

Мария Фомальгаут

ЛУНА

Рассказанная
вкратце

Мария Владимировна Фомальгаут Луна. Рассказанная вкратце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21234601

ISBN 9785448323454

Аннотация

Луна рассказывает вкратце, Как никнут белые цветы – Как важно к очагу добраться До наступленья темноты. Успеем в двери постучаться, Где в очаге хрустят дрова В тот час, когда стемнеет в чаше И трижды прокричит сова...

Содержание

Амьют	6
Луна, рассказанная вкратце	9
Синяя синусоида	26
Препарирующий	32
Так бывает	41
Сколько лет вселенной	42
Наш выпускной	44
Незнание законов	47
Что я принес	51
Шестая октава	57
Плата за плато	74
Воспоминание первое. Случайное	74
Воспоминание второе. Тоже случайное	76
Воспоминание третье. Случайнее некуда	77
Воспоминание четвертое. Уже не случайное.	79
Такое не забудешь	
Воспоминание очередное. Нарочное	81
Воспоминание шестое	82
Воспоминание восьмое	84
Воспоминание семь с половиной	85
Воспоминание восьмое. Продолжение	86
Воспоминание седьмое и три четверти	87
Воспоминание восьмое	88

Не воспоминание	90
Воспоминание девятое	91
Не воспоминание	93
Воспоминание девятое	94
Воспоминание десятое	95
Воспоминание одиннадцатое	97
Воспоминание двенадцатое	99
Кровь поднимается в воздух	101
Гейм старт	113
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Луна

Рассказанная вкратце

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2345-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Амьют

Он смотрит не на меня, а куда-то сквозь меня. Он. Даже не знаю его имени. По документам он числился как Адамс, но на самом деле его могут звать как угодно, если его вообще как-нибудь зовут.

– А вы молодец.

Даже не вздрагиваю от его голоса. Сжимаю колыт. Шажочками-шажочками подбираюсь к portalу.

Адамс (Адамс?) повторяет:

– А вы молодец.

Молчу.

– Знаете... только половина осужденных догадались, что коридор замкнут сам на себя. В кольцо.

Пожимаю плечами.

– И только четверть догадались, что тюрьма не делится на этажи. Один этаж переходит в другой... по спирали.

– Нетрудно было понять.

Делаю еще шаг к portalу. Жду, когда он откроется.

– А знаете, сколько человек догадались, что здесь нет ни первого, ни последнего этажа, нет ни подвала, ни крыши, вереница этажей замкнута в кольцо?

– Гхм... мало таких умных.

– Пять процентов. А сколько человек пытались вылезти в окна?

– Процента три... тьфу, что я говорю, все это сделать пытались...

– ...и попадали снова в коридор, хотя только что за окном была улица. А сколько пронюхали, что дом замкнут сам на себя в четвертом измерении?

– А вот здесь уже точно процента три.

– Не угадали. Только вы один. И про порталы узнали только вы.

Настораживаюсь. Сжимаю кольт. Ты мне зубы-то не заговаривай, не на того напал...

– Вы мне вот что скажите... вы зачем вернулись? Туда, в тюрьму?

– Ну... других людей хотел увести...

– Не получилось?

Киваю:

– Не поверили.

– Бывает. Что вы хотели... люди, они такие. Так что вы молодец...

Жду, когда откроется портал. Время идет медленно. Ужасно медленно.

– Вы только одного не учли. Тюрьма замкнута в четырех измерениях, да... но есть и еще одно измерение... время.

Хочу спросить, что он имеет в виду.

Не спрашиваю.

Понимаю.

Обреченно бросаю кольт.

Минутная стрелка прыгает на двенад...

...цать. Просыпаюсь.

Оглядываю белые стены.

Спрашиваю себя, как я сюда попал.

Луна, рассказанная вкратце

Луна рассказывает вкратце,
Как никнут белые цветы —
Как важно к очагу добраться
До наступленья темноты.

Я иду по темному ночному лесу.

Я иду домой.

У меня есть дом. Повторяю эту фразу, пробую на языке — у-ме-ня-есть-дом. Очень сладкие слова, как ванильные пончики с корицей.

У меня есть дом. Дом, который был у меня всегда, даже когда мне было всего-ничего, лет пять или шесть. Дом, который не достался мне в наследство от тетушки или дядюшки, дом, который никто не покупал, и, как мне казалось, никто не строил. Он просто... был.

Когда я просыпался среди ночи и подбегал к окну, я сразу видел огни моего дома за деревьями далеко-далеко в лесу. Я поднимал оконную раму и спускался по пожарной лестнице — меня ждал лес, полный опасностей и приключений.

Но я знал, что со мной ничего не случится.

Совсем ничего.

Потому что огни дома (моего дома!) освещали мне путь.

Я бежал к дому – мимо столетних дубов, мимо грозно ухажущих сов, мимо каких-то колдунов и драконов, по шаткому мостику – и деревья расступались передо мной, и дом (мой дом!) встречал меня, приветливо открывал двери.

И я сидел в доме (в своем доме!) у горячего камина, кутался в плед...

Успеем в двери постучаться,
Где в очаге хрустят дрова
В тот час, когда стемнеет в чаще,
И трижды прокричит сова.

...а потом просыпался. В доме. Не в своем доме, а в доме родителей, и начинался новый день...

Пару раз я рассказывал родителям о своих ночных приключениях – они не верили, считали это детскими фантазиями. Я тоже так считал – позже, когда мне было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, нужно подчеркнуть, и когда кто-нибудь из бесчисленных тетушек начинал вспоминать, а вот наш Черри в детстве выдумывал себе дом в лесу, я возмущался, с пеной у рта доказывал, не было такого, не было, не было, не было. Мне было стыдно за мое детство, мне хотелось выглядеть взрослым, ужасно-ужасно взрослым...

Не было дома – думали родители.

Не было дома – думал я.

А дом был.

Я понял это – когда убежал от тебя той ночью, когда ты

преследовал меня, чтобы убить. Я не поверил себе, когда бежал по темному лесу, и впереди меня замерцал знакомый огонек знакомого дома. Мне показалось, я грежу, да и этот дом не мог быть ни чем иным, кроме как плодом моего измученного рассудка. Тем не менее, я пошел к дому, – а что мне еще оставалось...

Я шел к дому – подсвечивая себе дорогу пламенем. У меня не было ни фонаря, ни факела, у меня была только спичка – одна-единственная, и дешевенькая книжонка, схваченная впопыхах. Я вырывал страницу за страницей, поджигал одну о другую – и вот так освещал себе путь в непроглядной темноте ночи.

В лесу чужом и незнакомом
Не знаю я, не знаешь ты,
Успеем ли добраться к дому
До наступленья темноты.

Ах да.

Огни дома вдалеке.

Я не ошибся. Там, за темными зарослями, за узким мостиком, за извилистой речкой, в конце тропы меня ждал дом – и он распахнул свои двери. Помню, как, не помня себя от страха, бросился на крыльцо и захлопнул за собой дверь. Помню, как бешено колотилось сердце, как я дрожащими руками закрывал замок и опускал щеколду. Мне казалось, что самые страшные ночные кошмары вырвались на волю – кто-

то чудовищный гнался за мной по темному лесу, а я в последний момент успевал заскочить в дом...

Дом.

Мой дом.

Ты подошел к моему дому – помнишь, ты подошел к моему дому, я видел тебя в окно, ты не видел меня – я боялся зажечь газовый рожок, я боялся пошевелиться. Я ждал, когда ты поднимешься на крыльцо, я отчаянно соображал, что буду делать, если ты сломаешь дверь или проберешься в дом через окно – некогда было метаться по дому в поисках оружия...

К моему немалому удивлению ты прошел мимо дома и углубился в чащу леса.

Минуты не шли – текли вязко и мутно, как кленовый сироп. Я ждал – ты не возвращался. Я долго не понимал, что именно произошло: ты не видел меня. И дома, заброшенного в чаще леса, ты тоже не видел.

Ни огонька не видно рядом,
Не видно света из окна,
И смотрит равнодушным взглядом
На нас огромная луна.

Потому что этот дом был мой.

Совсем мой.

Только мой – и ничей больше.

Итак, я возвращаюсь домой. Я спешу по темному лесу –

еще зеленому, но уже подернутому осенним холодом и туманом.

Я возвращаюсь домой.

У меня есть дом.

Свой дом.

Я перехожу шаткий мостик – настолько ветхий, что вообще непонятно, как он еще не обвалился за годы и годы. Но что-то подсказывает мне, что он не обвалится никогда, потому что... потому что все здесь такое, волшебное, и дом не стареет, и еда в доме есть всегда-всегда, на столе ароматный пирог, а в кладовке висит копченый окорок... а вот табака в доме нет, за табаком приходится отправляться в ближайшую лавочку на окраине города. Возможно, дом не хочет, чтобы я курил – я и не курю в доме, только на улице, даже не на веранде, боюсь, что если разожгу трубку в доме, он растает, как дым.

Сказки, они вообще непрочные...

А лес все гуще, лес все чаще
Луны глотает робкий свет,
И кажется, что кроме чащи
И ничего на свете нет.

Огни дома уже видны за деревьями.

Я ускоряю шаг, и... замираю, когда дуло твоего кольта прижимается к моему виску.

– Ни с места.

Спрашиваю:

– Вы... следили за мной?

– Следил... ну что же... пойдёмте, друг мой. Пойдёмте.

Я иду за тобой, делать нечего, иду за тобой. Ты ведешь меня в город – в город, который уже успел стать для меня чужим. Мы проходим по мосту, минуем улочки с уже закрытыми лавочками, пересекаем городскую площадь в свете фонарей, поднимаемся по ступеням главной улицы, наши ботинки гулко стучат по мостовой, и вот мы уже у крыльца дома.

Твоего дома.

Твоего. Не моего.

Щелкает замок.

Хлопает дверь.

– Вина? – спрашиваешь ты, тянешься к маленькому бару.

Отрицательно мотаю головой. Ты пожимаешь плечами, разливаешь чай. Спрашиваю себя, почему ты не убил меня еще там, в лесу, и почему я не убил тебя, чего я жду...

– Что же... друг мой... думаю, придется рассказать вам кое-что о доме... о вашем доме.

А лес, туманами опоен,
Всё говорит о чудесах,
И дальше узкою тропею
Ведут совиные леса.

Молчу. Думаю, что не поверю ни еди...

– ...не поверите ни единому моему слову? Это ваше пра-

во... ваше право, друг мой. Не хотите, чтобы я рассказывал? Ну ладно, тогда расскажите вы мне... кто еще кроме вас в детстве хвастался, что ходил в дом?

– Да много кто. Всех не упомнишь.

– А вы можете сказать, где сейчас живут эти... м-мм-м... мальчики?

– Да они не мальчики уже...

– И все-таки... что с ними? Может, кто-то стал врачом, юристом, адвокатом, торгует в лавочке или стал всемирно известным?

– Гхм...

Отчаянно припоминаю. Ничего не припоминается.

– Не помните?

– Мне кажется... последнее время я вообще ничего про них не слышал.

– Последнее... это какое?

– Лет десять... да, где-то лет десять про них ничего не слышно. Стойте, про Рэтти я слышал что-то лет пять назад...

– Где они живут сейчас? Вы можете назвать мне адрес хотя бы одного из этих парней?

Снова мотаю головой: нет.

– А вам известно, что мы живем в маленьком городке, где чуть ли не каждый день можно увидеть всех горожан, выйдя на улицу? В городке, где просто невозможно спрятаться от посторонних глаз?

Никто не верит, если честно,
И сам я верую с трудом,
Что где-то на опушке леса
Стоит уютный, теплый дом.

Начинаю догадываться:

– Мертвы?

– Вы помните похороны?

– М-м-м... нет.

– Что же, друг мой... боюсь, мне все-таки придется рассказать о вашем доме в лесу... гхм... вашем доме... Ведь вы считаете его вашим, не так ли?

Молчу.

Вы не помните... в детстве вы когда-нибудь входили в этот дом осенью?

Что вы, это летний... м-м-м... хотите сказать, с наступлением осени он исчезает?

Ты молчишь. Многозначительно смотришь на меня.

Вспоминаю пропавших без вести.

Начинаю понимать.

– Мертвы?

Ты не отвечаешь.

– Что с ними стало?

– Кто знает, друг мой, кто знает...

Понимаю, что мне нечего сказать.

Ветер бьется в окно.

Наконец, осторожно выжимаю из себя:

– Вы... вы спасли мне жизнь.

Делаешь паузу.

– Ну, я бы так не сказал... у вас еще были в запасе пара дней... кто знает, когда окончательно приходит осень, и уютный дом становится...

...ты не договариваешь.

Можете заночевать у меня, вспомним старые добрые времена, когда вы снимали у меня комнату...

Отчаянно соображаю, где здесь подвох. Чувствую, что силы окончательно покинули меня, и что никакого подвоха я сейчас не найду, всё, что мне остается – поблагодарить тебя и отправиться спать... в надежде, что ты не перережешь мне ночью горло.

Где сладко пахнет пирогами,
И чашка греется в руке,
И кто-то ждет и зажигает
Огонь в камине-очаге,

Блики солнца.

Десять утра.

Просыпаюсь.

Не сразу понимаю, почему я не в своем (своем!) доме.

Кутаюсь в халат, хочу спуститься по лестнице, тут же спохватываюсь, что негоже появляться перед тобой в халате, не дома я, не дома, нечего расслабляться.

Спускаюсь по лестнице (не моего дома!)

Прислушиваюсь к приглушенным голосам в гостиной, твой голос узнаю сразу, но кроме тебя там сидит еще кто-то, понять бы по голосу – кто...

– Да, я тоже бывал в этом доме... помню, как ночь, так я сразу...

Меня передергивает. Чувствую укол ревности, вот так, кто-то жил в доме, в моем доме, кто-то...

Ночь? А днем вы этот дом... не помните?

(это твой голос)

Снова незнакомый гость:

– Смеетесь, днем? Да днем этот дом днем с огнем не сыщешь, днем там только эти живут... которые...

Торжествующе улыбаюсь, а я живу там днем, а я живу...

...то есть, жил.

...которые умерли уже.

Снова хочу торжествующе улыбнуться — а я не умер, я-то не у... Хочу вздохнуть, чтобы показать, что я живой — понимаю, что вздохнуть не могу...

И плюшевые пледы стелет,
Где свечи в комнатах дрожат,
И белоснежные постели
Взобьет на верхних этажах.

Прикладываю руки к груди, а это еще что, этого быть не должно, где это я так вымазался, грязь какая-то, да это

не грязь, это кровь, отку... ощупываю отверстие между ребрами, вертится в голове одно-единственное слово – сквозная...

Вспоминаю.

Как бежал по темному лесу (помнишь?), как ты преследовал меня (помнишь?), и выстрелил (помнишь? Помнишь?), пуля обожгла мне спину, я еще подумал (помнишь?) – промазал... не попал...

Тогда мне так показалось...

Выскальзываю через черный ход.

Иду через двор, перемахиваю через ограду, спешу по улице, женщина с необъятными сумками видит меня, пронзительно визжит.

Ускоряю шаг.

Бегу.

Еще кто-то отскакивает от меня в страхе.

Некогда, некогда. Пересекаю площадь, прыгаю через ступеньки, перебегаю мост...

Лес встречает меня.

Перевожу дух... то есть, что я говорю, нет у меня никакого духа. Иду по лесу, иду к до... а где он вообще, этот дом?

(мой, мой дом!)

Понимаю, что заблуди...

...нет, не заблудился, потерял доро...

...нет, дорогу я и не знал. Только сейчас понимаю – я никогда не знал, где находится дом.

Мой... возможно, что уже и не мой.

Мне ничего не нужно, кроме
Старинной книги под дождем,
Пророчества о теплом доме,
Что путников ночами ждет.

Иду через шаткий мостик – сейчас из-за деревьев уже
должна показаться крыша дома, – её нет, ничего нет, иду
по лесу наедине сам с собой...

...замираю возле крыльца.

Мой дом ждал меня. Я знал, что он будет ждать.

Открываю дверь – здесь все осталось так же, как было,
пирог ждет меня на кухне, головка сыра и окорок в погребе,
вино в маленьком баре, свежесваренный кофе...

Я дома.

Пробую эти два слова на языке – они сладкие, слаще ме-
дового пирога.

До-ма.

Спохватываюсь, иду в ванную, чтобы смыть кровь...

Нам лес грозит неравным боем,
Надежды прогоняет прочь,
И может быть, и нас с тобою
Проглотит нынешняя ночь.

Вечереет.

Я дома.

До-ма.

(Снова пробую это слово на языке)

Устраиваюсь у камина, подбрасываю в пламя еловых шишек.

Дом вздрагивает.

Настораживается, как будто по-собачьи принюхивается к ночной тишине.

Делает шаг.

Да-да, это не ошибка – дом делает шаг.

Другой.

Третий.

Дом спешит по лесу, ступает мягко, по-кошачьи, перебирается по шаткому мостику. У меня замирает сердце, нет, нет, пожалуйста, не надо... ничего не происходит, мостик даже не прогибается под тяжестью дома. Начинаю понимать – у этого дома нет тяжести, у него ничего нет...

Этот дом мертвый.

Как и я.

Не понимаю, почему он спешит прочь из леса, почему дом (мой дом!) подбирается к городу. Проходит по мосту, пересекает площадь, поднимается по ступеням. Я не понимаю, зачем он идет туда, ведь я здесь, я уже здесь, кого он ищет там, в темноте?

Дом (мой? Мой дом?) останавливается в свете фонарей напротив виллы (твоей! Твоей виллы!), ждет чего-то, ждет...

Вилла (твоя вилла) вздрагивает.

Раз.

Другой.

Третий.

Делает шаг навстречу дому.

Моему дому.

Ты появляешься в окне второго этажа – видел бы ты сейчас свою физиономию. Ты еще пытаешься остановить дом криками, но уже понимаешь – твоя вилла тебя не послушается.

Дом пофыркивает по-конски, зовет виллу за собой.

Я уже знаю – они уйдут вместе.

Я спрашиваю себя, почему твоя вилла идет за моим домом, почему она такая же, как мой дом. Тут же догадываюсь – когда вижу кровь на твоём домашнем халате. Всё-таки я не промахнулся, когда стрелял в ту ночь, назад, через плечо, не целясь... ты помнишь? Помнишь?

Дома уходят в темноту леса.

Замирают на опушке.

Бросаюсь прочь из дома на веранду – сталкиваюсь с тобой, ты уже здесь, на улице, оторопело смотришь то на меня, то на дом, спрашиваешь:

– Зачем... зачем он это... зачем?

Фыркаю:

– А это вы у него спросите.

– И спрашиваю у него! Ты чего творишь? А?

Вилла вздрагивает.

Дом тоже вздрагивает.

Что-то подсказывает мне – они собираются говорить с нами.

И я не ошибаюсь.

– Почему вы убили его? – спрашивает дом. Спрашивает у меня.

Пожимаю плечами.

– Он гнался за мной. Хотел убить.

Дом (мой дом!) поворачивается к тебе:

– А вы... почему вы убили его?

Ты теряешься:

– Он... он слишком много знал...

– Что знал?

– М-м-м-м... – ты поворачиваешься ко мне, – что... что вы узнали в моем доме?

Отчаянно пытаюсь вспомнить. Понимаю, что не просто не помню – не знаю.

– Вы... вы стерли мне память?

– Друг мой, вы меня переоцениваете.

– Тогда... тогда почему я ничего не помню? Почему вы ничего не помните?

Смотрим друг на друга.

Не находим ответа.

Седой туман о сосны трется,

Дороги темны и пусты,
Но верю – кто-то доберется
До наступленья темноты.

– Друг мой... боюсь, у меня плохие новости.

Смотрю на тебя. Жду. Чувствую, что готов к любым новостям.

– Мы не можем вспомнить начало нашей истории... потому что её нет.

– Нет... начала?

– Да. Первая страница оторвана... а теперь, боюсь, и вторая...

– Страница? Хотите сказать, мы живем...

– ...на страницах книги, друг мой.

– Но... кто и зачем отрывает страницы?

– А вы как думаете?

Сначала представляю себе книгу, брошенную в туалете, еле сдерживаю улыбку. Начинаю перебирать другие варианты – вспоминаю.

Спохватываюсь.

– Я шел по лесу, и...

...хочу договорить, что И – не договариваю, не помню, помню только, как вошел в дом (в мой дом!), дрожащими руками захлопнул дверь и задвинул щеколду. А вот что было до этого... а вот было ли что-нибудь? Несомненно, было, только я уже не помню, что...

Луна рассказывает вкратце,
Как никнут белые цветы —
Как важно к очагу добраться
До наступленья темноты...

Луна рассказывает вкратце...

Луна...

Синяя синусоида

– Не забывайте о синусоиде. Прошу вас.

Не забываю. Как он просил.

– Шляпа! Шляпа!

Женский крик, переходящий в визг.

Оборачиваюсь. В темноте ночи вижу шляпу, подхваченную ветром, летит, кувыркается в хороводе осенних листьев. Пожимаю плечами, вот так шляпы в ветреный день и теряют, то есть, в ветреную ночь, то есть...

Думаю про себя, а чего это дама с мужским цилиндром ходит, тут же замечаю у шляпы два перепончатых крыла.

(не забываю о синусоиде. Сам не знаю, зачем)

Одергиваю своего наставника:

– Мистер Шерри-Джем, это...

– Чш-ш-ш-ш!

Замолкаю. Ждем. Дамочка бежит не за шляпой, а от шляпы, кажется, зовет на помощь...

– Мистер Шерри-Джем...

– Ч-ш-ш-ш!

Выстрел. Один, и почти сразу же второй. Как во сне замечаю в птичьих лапках шляпы массивный пистолет, как она его только держит...

Мой наставник вынимает кольт.

Целится.

Ну же, ну...

Бах!

Вспархивают листья, вспугнутые выстрелом.

Девушка падает на мостовую.

Оторопело смотрю на наставника, неужели ошибся,
неужели...

– Вы...

– Всё в порядке.

Шагает к убитой, гулко стучат подошвы по мостовой.

Прижимает пальцы к горлу.

– Мертва.

– Вы...

– Отлично сработано.

Шляпа взмахивает крыльями, улетает в темноту ночи.

Не выдерживаю:

– Что... что произошло?

– Друг мой, позвольте рассказать вам об этом дома, у пы-
лающего очага...

Представляю себе синусоиду.

Так.

На всякий случай.

...мистер Шерри-Джем хватается за ветки клена, подтя-
гивается на руках, забирается на развилку – отсюда и до лу-
ны рукой подать. Мой наставник живет в полной луне – ко-

нечно, в те ночи, когда луны нет на небе, а на время полнолуния снимает комнату на чердаке в гостинице.

Садимся у очага. Комната окутана серебристым сиянием.

– У вас вопросы, друг мой?

– Да. Вы... зачем вы убили девушку?

– Друг мой, вот скажите мне... Кому вы сочувствовали, прекрасной юной леди или шляпе?

– Сочувствовал? Да очевидно было, что леди стала жертвой этого чудовища! По всем законам книжного жанра...

– Вот именно.

Страшная догадка.

– Хотите сказать... вы на стороне злых сил? Да, хороший же из вас полицейский...

– Не спешите делать выводы. Не забывайте о синусоиде.

– Да объясните же мне, наконец, что это значит?

– Сюжет нашей книги... он выстроен не по прямой линии, а по той самой синусоиде. Действие начинается на нуле, поднимается вверх, вверх, вверх, – до кульминации, до единицы – и опускается к нулю. И... уходит в минус. А что там в минусе, мы не видим, не знаем. Потом снова начинается действие, синусоида выходит из-под нуля. Осенняя ночь, шляпа гонится за дамой – хоп, сюжет ушел в минус, несколько страниц чистые. Новая глава – дама на приеме у важного господина открывает шкатулку и спрашивает, сколько тот хочет за её содержимое. Господин хочет убить даму, тут снова сюжет ныряет вниз...

Весьма любопытно.

И это ещё не всё. А потом нам дают вторую половину книги. И мы читаем то, что было в минусе. Для этого надо книжку перевернуть, или развернуть её как-нибудь, или наизнанку вывернуть в каком-нибудь там измерении, не знаю. И читатель понимает, что всё было наоборот, и те, кого он считал хорошими героями, на самом деле мерзавцы, а кто показался злодеем, на деле хороший малый...

– А вот оно что... а вы, значит, убиваете тех, кто показался вам хорошим.

Именно так. И вам, как моему ученику, придется делать то же самое.

– А себя вы, значит, считаете хорошим?

Шерри-Джем смотрит на меня. Вскидывает брови.

– Но...

– ...считаете ХОРОШИМ, не так ли?

– Конечно.

– А на каком основании?

– Но я же полицейский...

– А что, мало историй, где в полиции мерзавцы?

– Вы думаете...

Вынимаю кольт.

Шерри-Джем вскидывает руки.

– Пойдите, пойдите... вы...

– Вам есть, что сказать?

– Да... нет... дайте мне время... до завтрашней полуночи.

– Ловко вы выкрутились, завтра полнолуние, ищи вас, свищи...

– Ночь будет пасмурная, нам не придется покидать луну...

Часы бьют полночь.

Взлетает стайка испугнутых листьев, садится обратно на ветки.

Вхожу в гостиную на луне, вопросительно смотрю на Шерри-Джема:

– Слушаю вас.

– Друг мой, вчера вечером вы говорили про то, что нашу книгу можно вывернуть в четвертом измерении.

– Ну, это я так... для примера.

– А ведь вы были правы. Нашу книгу и правда можно вывернуть... и так, и так.

– В смысле, и так, и так?

– В смысле, что если книгу вывернуть на одну сторону, мы увидим историю, как хороший полицейский убивает злодеев, которые прячутся под маской хороших людей. А если перевернуть книгу, получится история наоборот. Как злодей убивает злодеев, которые на самом деле хорошие. Так что у вас нет никакого повода убивать меня. Бессмысленная затея.

Молчу.

– А вы молодец... благодаря вам мы разгадали тайну нашей книги, – Шерри-Джем смотрит на меня с благодарно-

СТЮ.

Неумело вытягиваюсь в струнку:

– Рад стараться.

Выстрел.

И сразу же второй.

Еще успеваю подумать – я слишком много узнал...

Препарирующий

...прикладываю пальцы к тощему горлу.

Обреченно говорю:

– Готов.

Доктор Мор делает мне отчаянные знаки, сколько раз те говорил, идиотище, когда умирает кто-то, надо сделать скорбную мину и сказать – мне очень жаль.

Говорю, как надо:

– Мне очень жаль.

А вот этого я не ожидал, а вот тут я уже не знаю, что делать, когда жена покойного падает на пол, заламывает руки, пла... нет, это не плач, кри... нет, это не крик, какой-то звериный рев... Начинаю суетиться вокруг женщины, подсовываю нюхательные соли, стакан с водой...

За суетой чуть не забываю главное. То, за чем пришел сюда.

Обора... нет, не оборачиваюсь, смотрю на эскулапа краем глаза, слушаю краем уха.

Он наклоняется над умершим, ждет.

Я тоже жду. Каждая секунда разворачивается в тысячу лет, уже понимаю, что на этот раз не получи... а нет, получилось, вот что-то поднимается над телом умершего, что-то эфирное, легкое, невидимое, неосязаемое, я даже не понимаю, как я его чувствую...

Мой наставник открывает флягу – что-то эфирное пытается вырваться, не может, обреченно проваливается в сосуд.

Доктор Мор закрывает крышку.

Всё.

Никого и ничего, только ветер теребит занавеску.

Укладываю дамочку в кресло, слушаю какие-то инструкции моего наставника, тело на носилки кладем, лицо платком закрываем – слушаю и не слышу, всё внимание приковано к тому, что там, во фляге...

Часы на городской ратуше отбивают полночь гулкими ударами.

Таймбург засыпает, только слышен скрип последней повозки, да шорох крыльев летучей мыши...

Он исчезает за дверью.

Он.

Мой наставник.

Щелкает дверной замок.

Мне кажется, он стоит за дверью. Даже когда я поворачиваю в замке ключ, мне кажется, мой наставник стоит за дверью, выжидает, ведь он обнаружил пропажу ключа, не мог не обнаружить, когда я брал ключ на три часа, на проклятые три часа, снимал дубликат...

Нет.

Никого нет.

Спускаюсь по лестнице, узкой, темной, уводящей в бесконечность, к центру земли, и дальше. Предательски осыпаются мелкие камушки, мне кажется, что наставник уже услышал меня, тысячу раз услышал...

Нет.

Вот он стоит спиной ко мне, дрожащими руками раскрывает флягу – что-то вырывается из горлышка, что-то пытается сбежать, не может – замирает, пронзенное иглой, одной, двумя, тремя, распятое на столе...

Меня передергивает.

Я понимаю, что он собирается делать.

Рука сама тянется к массивному молотку, отчаянно прикидываю, как размахнуться, ударить по макушке, вырубить, связать...

Нет.

Я получил приказ – не трогать.

Не вмешиваться.

И еще много всяких не.

Хочу ускользнуть – тихо, незаметно, шепотом, не успеваю – он оборачивается, смотрит на меня.

В упор.

Мертвая тишина, слышно, как потрескивает пламя свечи.

Мой наставник (ха-ха, наставник) снова наклоняется над столом.

Поднимаюсь по лестнице.

Выскальзываю за дверь.

...уже выйдя на улицу, вспоминаю, что не закрыл дверь в подвал, отчаянно думаю, вернуться или нет, наконец, возвращаюсь, едва не сталкиваюсь с доктором, который выходит из подвала.

Меня прошибает холодный пот.

Доктор Мор берет что-то в ящике с инструментами, возвращается в подвал, ага, не заметил, не заметил, думал, сам забыл дверь закрыть... или заметил, но не подал вида.

Спускаюсь с крыльца.

Снимаю амулет, – свет луны бросается на моё тело, моя тень наконец-то ложится на мостовую.

Вынимаю из кармана телефон, он обрадованно расправляет крылья.

Диктую шепотом:

– Моему шефу. Моему настоящему шефу: наши опасения подтвердились. Доктор Мор и правда... м-м-м... ладно, шеф поймет, что правда. Завтра вечером... с визитом к доктору...

Телефон взмахивает крылышками, упархивает. Задним числом думаю, как бы ничего не перепутал, а то от него всё можно ожидать, сколько раз на лету врезался в фонарный столб...

– Чему обязан столь поздним визитом?

Мой наставник (доктор Мор всё ещё думает, что он мой наставник) удивленно смотрит на констебля, чувствует, что дел

пахнет жареным.

– Прошу прощения за визит в столь поздний час... преклоняюсь перед вашим талантом...

– Вы имеете в виду мой талант врачевателя или литератора?

– В данном случае говорю о даре литератора. Я читал ваши произведения... это поразительно. Какое тонкое знание человеческой души!

– Да, знаете ли, работа врача позволяет мне встречаться с самыми удивительными людьми. Например, недавно... да мой ассистент подтвердит, вот вчера умер от чахотки один поэт, видели бы вы, как убивалась его молодая жена...

– Но всё-таки, одной наблюдательности недостаточно. Я поражаюсь, как вы видите души, как будто вскрываете их...

Доктор Мор бледнеет.

Блестит парабеллум в руке констебля:

– Вы арестованы.

Ожидаю, что доктор Мор начнет всё отрицать. Нет, медленно поднимает руки вверх.

Открываю подвал. Ключом. Своим ключом. Хозяин дома кивает:

– Значит... умыкнули ключ...

– Сделал копию.

– А вы молодец... Честное слово, я вас недооценивал.

Защёлкиваю браслеты на руках Мора, мысленно говорю себе, что надо держать ухо остро, а то сейчас уболтает он

меня, уболтает, а я уши развешу.

Спускаемся в подземелье, торжественно показываю на стол, залитый кровью... нет, не кровью, непонятной какой-то субстанцией.

– Вот здесь он препарировал души... души людей.

– Вот как, значит... – мой шеф смотрит на врачевателя, – Леонардо да Винчи вскрывал трупы, чтобы познать анатомию человека и придать своим картинам достоверность... А вы, значит, вскрываете души...

– Что же вы хотите... искусство требует жертв.

– Ну что же, в полиции разберутся...

Констебль не договаривает – что-то происходит, сам не понимаю, как мы оказываемся лежащими на полу, как доктор Мор наклоняется над нами, когда он успел освободиться от наручников, когда, когда, нда-аа, недооценивали мы Эскулапа...

Жду какой-нибудь издевательской тирады, что же, теперь ваши души пополнят мою коллекцию, или чего-нибудь в этом роде. Но нет, он молчит, вот это хуже всего, что он молчит, готовит хитромудрые зажимы, скальпели, которыми потрошил души...

Спрашиваю:

– Уж не собираетесь ли вы, друг мой, препарировать наши души?

Эскулап не отвечает.

– А напрасно. Скоро ваше искусство станет никому

не нужно.

Молчание.

– Не верите? А между тем я бы на вашем месте следил за новинками техники. Вы слышали о фотоаппарате душ?

Доктор Мор вздрагивает:

– Фото...

– Да, последняя разработка братьев Люмьеров. Можете посмотреть в каталоге, специально для вас принес. Очень рекомендую приобрести.

Врач смотрит на меня. Не верит. Падает в кресло, заливаясь истеричным смехом:

– Нет... вы... вы меня разыгрываете... это же надо было придумать... фо-то-ап-па-рат! Фо-то-гра-фи-я!

– Друг мой, у меня плохие новости.

Вопросительно смотрю на констебля.

– Я пролистал последние известия... все пишут, что фотоаппарат душ – никчемное изобретение. Он не может передать всей глубины души...

Мне кажется, я ослышался. Конечно, жалко, что очередное изобретение потерпело фиаско, но никакой трагедии я в этом не вижу...

– А это значит, что кому-нибудь опять придет в голову препарировать души.

– Об этом можете не беспокоиться. Доктор Мор умер сегодня ночью.

– Я знаю. Но я знаю и еще кое-что, а именно, обстоятельства его смерти.

– Хотите сказать, смерть наступила...

– ...не от естественных причин. Он был отравлен.

– Вот как? И кто же...

– Это нам и предстоит выяснить. Поедемте в дом доктора, я хочу показать вам кое-что.

...выхожу из самоходного экипажа, чувствую, как холод пробирает до костей. Спешу в дом доктора, мечтаю об уютном камне – как бы не так, пустой дом без хозяина встречает меня холодом.

Наклоняюсь над ковром, где уже очертили мелом тело убитого, но шеф ведет меня дальше, в подвал.

– Взгляните.

Смотрю на стол, где препарировали души. Вздрагиваю, чтобы не видеть очередной растерзанный экземпляр, отворачиваюсь – но успеваю узнать то, что было доктором Мором.

Констебль поворачивается ко мне:

– Как вы думаете, кто мог сделать с ним такое?

– М-м-м... тот, кто его знал.

– Думаете?

– Ну да. Он же открыл дверь этому человеку... пил с ним вино...

– Но ведь это мог быть и незнакомец, который предста-

вился больным...

– Нет-нет, этот человек знал, чем занимается доктор Мор...

– У вас есть какие-то предположения?

Усмехаюсь:

– Если так рассуждать... получится, что это я сделал. Всё сходится...

Констебль смеется. Я тоже смеюсь.

На выходе из дома замечаю свою перчатку, которую оставил в свой предыдущий визит час назад. Ничего, пусть лежит, если что, скажу, что бросил её здесь только сейчас...

Так бывает

Ночь не спал.

Совсем.

Бывают такие ночи, когда черта с два уснешь, хоть сколько ворочайся с боку на бок, хоть сколько повторяй про себя какие-нибудь мантры и заклинания, и чему там еще учат на тренингах.

Голова болела, ну она у меня еще с вечера болела, а тут вообще виски сжало сильно. Надо было встать таблетку выпить, да это же какой труд...

Потом печень прихватило, ну это давно уже печень прихватывало. Как осень, так начинается. Надо бы врачу показаться, только у нас такие врачи, что лучше им не показываться.

Уроды какие-то всю ночь под окном орали, ну это не проблема, окно закрыл, спи дальше.

А вот спина чесалась, это да. Мне сказали, это всегда так бывает, когда крылья режутся.

Ближе к Рождеству пройдет.

Сколько лет вселенной

– Что вы хотите знать?

Смотрит на меня. Презрительно. Он всегда смотрит презрительно, как бы ни прятал свое презрение под маской вежливости.

– Так что вы хотите знать?

Спрашиваю. Наугад.

– Возраст нашей вселенной. Можете?

Кивает. Уже научился у меня кивать в знак согласия.

– Можем.

Я знаю. Они могут. Они все могут. Объем вселенной. Возраст вселенной. И не только нашей. А всех.

Он уходит куда-то в темноту ночи. Уходит, громко сказано. До сих пор не знаю, как он перемещается. Одно чувствую – голова, руки, ноги – это не настоящее. Это для меня. Не более.

Осторожно спрашиваю:

– Как возраст определять будете?

Он фыркает.

– По годовым кольцам.

– А серьезно?

Не отвечает. Шутит. Ладно, это хорошо, когда шутят, мы тоже пошутить любим.

Он замирает перед громадиной нашей вселенной. Отсю-

да я её вижу всю, от и до, внутри вселенной такую картину не увидишь. Это нужно покинуть пределы нашего мира, встретиться с такими, как он...

– Вы действительно хотите... узнать возраст вселенной?

Смотрит на меня. Презрительно. Сколько бы ни прятал презрение под маской вежливости.

– Действительно. Хочу.

Он рассекает вселенную, показывает кольца на месте среза.

– Вот... пожалуйста. Пятнадцать миллиардов лет.

Вымученно киваю. Прячу свое замешательство под маской вежливости. Смотрю на разрезанную вселенную.

– Вы хотели идти домой, – напоминает он.

Осторожно возражаю:

– Уже нет.

Не говорю, что идти мне больше некуда.

Наш выпускной

Сегодня был выпускной.

Долгожданный.

Уже и не думали, что доживем, ну да, до выпускного мало кто доживает. Кто разбился, у кого сердце не выдержало, кто и вовсе повесился потихоньку, понял, что не видать ему диплома, как своих ушей.

А мы вот дожили.

Собрались в большом зале, пришли пораньше, украсили крылья кто в что горазд, я золотые монеты на крылья прицепил, меня цыганским бароном обозвали, Лика серебряную пыль на крылья присыпала, ее сахарной пудрой обозвали, Тимка красные звезды на крылья прицепил, его все обозвали советским истребителем, а-а-а, разбегайся, кто может, шас на таран поперет...

Рассаживались. Расправляли крылья, хвастались, у кого длиннее, ну и что, что у тебя длиннее, а у меня зато крылья больше за лето выросли, да-а...

Учителя говорили торжественные речи. Те самые учителя, которые еще вчера орали, да что из тебя вообще выйдет, толк из него выйдет, бестолочь останется. Теперь обнимали нас крыльями, милые вы мои, хорошие... Большому кораблю большое плавание, Человек создан для полета, как птица для счастья, мы все как один в этот знаменательный день...

Вспоминали. Какими пришли сюда, маленькими, неумелыми, с еще не оперившимся крыльями, смущенно краснели перед приемной комиссией, ну-у, у меня крылья есть, так мне бы летать... Думаю, что смогу...

Пили шампанское. Пробки в потолок, испещренный поколениями пробок.

Вспоминали. Как первый раз, а ты летать умеешь, а что тут уметь... и потом этот-то что-тут-уметь взлетает и падает, стремительно, с треском. И ты ждешь своей очереди, кусаешь губы, и почему-то как никогда хочется выйти, где тут комната с кругом и треугольником на двери... А потом – пошел, и боишься лететь, и кто-то пинает тебя сзади, хороший разгон, и падаешь, и сами расправляются крылья, машешь, выше, выше, выше... Аплодисменты, учитель кивает – пять баллов. И бежишь в толпу однокашников, ну-ка, какая сволочь меня спихнула...

Вспоминали. Прощались. Тихонько спрашивали друг друга, кто куда пойдет дальше, да не знаю еще, да подумаю, да...

Учителя говорили напутственные речи, что вы еще не крылатые, это жизнь надо прожить, пролетать, вот тогда крылатыми будете. Вот как мы летали.

Расставались. Пели песни, ор-лята учатся летать. По-ра в путь-дорогу. Потому, потому, что мы пилоты. Ну, когда заберет меня маленький самолет. Гал-ки, птицы, как люди, видят солнце на блюде.

Напивались допьяна, подтрунивали друг над другом, ты

как завтра летать будешь, а завтра и не буду, на фиг надо... а так, зигзагами-зигзагами...

Разошлись под утро, расползлись, разъехались по домам от Альма Матер. По норам, по туннелям под низкими потолками. Сидели дома, выслушивали завывания родственников, а у меня Сашка землекопом работает, а у меня Танька землекопщицей, а у меня Юрка шахтером устроился, а Ирка, дура, в археологи поперлась, о чём думала... А ты когда работу искать будешь?

Кивал. Буду-буду. Когда-нибудь. Ходил по туннелям с низкими потолками, на четвереньках, конечно, иначе тут никак. Перебирал любимые детские книжки, фантастику какую-то, дескать, за глубинами нашего мира, за толщей камня есть другие миры, огромные пустоты. Прятал крылья под плащом, поджимал под себя, чтобы не оттоптали в давке.

По статистике крылья обрезают в среднем через три года после окончания учёбы. И идут в землекопы. Я дал себе зарок продержаться хотя бы лет пять. Хотя по той же статистике в среднем через пять лет выпускники глотали горсть таблеток, а в предсмертной записке писали...

Незнание законов

– Что вы скажете в свое оправдание?

– А в чем, собственно, я...

– Встаньте!

Что за бред, какого черта я вставать должен. Какого черта вообще превращают судейство в фарс...

Встаю. Все в зале смотрят на меня. Как мне кажется, с ненавистью. Лихорадочно соображаю, что я мог натворить. Вроде бы ничего такого... вроде бы...

– Вы нарушили закон земного притяжения.

Вздрагиваю. Это новенькое что-то...

– К-когда... нарушил?

– Сегодня в семнадцать тридцать выходили из супермаркета...

– А что, нельзя было выходить?

– ...поднялись в воздух. Все видели, как вы летели до гостиницы.

– Летел. Ну а что мне прикажете, с сумками по земле тащиться?

Мой адвокат откашливается. Надо же, мы еще и говорить умеем...

– Здесь нельзя летать, понимаете?

– Где здесь?

– На территории шенгенского соглашения.

Фыркаю. Слишком похоже на розыгрыш. Даже очень.

– Да ну вас, у нас в России все летают.

– В России летают. А здесь закон всемирного тяготения другой, понимаете?

– Н-не знал.

– Незнание закона не освобождает от ответственности.

– И что мне теперь... штраф?

– Вы в курсе, что здесь это карается смертной казнью?

Холодеет спина. Бред, бред, бред, бред-бред-бред-бред.

Так не бывает. Не бывает. Не бывает. Чтобы люди не летали, так не бывает.

– И что мне...

– Приговор будет приведен в исполнение завтра, – судья замирает, будто обдумывает что-то, – обжалованию... не подлежит!

Стук молотка...

– ...сложное дело, очень сложное... Вы бы, прежде чем в страну ехать, хоть бы задумались, какие законы, какие правила... а то ишь, кинулись...

Смотрю на адвоката. Умоляюще. Кажется, если выговаривает мне, значит, знает, как помочь. Должен знать. Просто... просто не может быть иначе. Потому что. Потому что так не бывает. Потому что я не могу умереть. Не могу. Кто угодно. Не я. Не я.

– Кто ж знал, что тут такое... с притяжением...

– Что с притяжением. Вон, во Франции скорость света официально в два раза меньше, чем в других странах.

– Да ну?

– Знать надо. А в Индии число Пи равно восемнадцати.

– Да, припоминаю что-то. Из раздела «Удивительное рядом».

– Вы бы это удивительное хоть бы перечитали прежде чем за границу-то ехать... на что надеемся, на что надеемся... Был у меня один такой, в Лондон приехал...

– Повезло.

– Вот и повезло. Надо ему было чай заварить...

– И?

– Он и догадался, чайник на огонь поставил.

– И... что?

– Как что? Ну, получил ледышку в чайнике...

– Почему ледышку?

– Ну, вы даете. А то сами не знаете, что в Великобритании при нагревании предметы охлаждаются. А он с отелем судиться поперся, хорошо я его остановил...

Спрашиваю. В отчаянии.

– А мне-то что делать?

– А что делать, раньше думать надо было, вот так, в чужую страну поперлись, хоть бы посмотрели, что к чему...

Сжимаю зубы. Нет, нет, нет. Быть не может, чтобы он мне не помог, потому что... не знаю, почему. Но быть не может.

– Вы мне вот что скажите... вы через Польшу проезжали?

– Было дело. А там что, проезжать нельзя, проползать надо?

– А вы в курсе, что на территории Польши время назад идет?

– Да ну.

– Ну да. Это значит, что у вас сегодня не семнадцатое... а пятнадцатое, получается. А это значит, что не могли вы семнадцатого ничего натворить, не было вас там, не было!

Чувствую, что оживаю.

– Думаете... сработает?

– Ну конечно. Что ж вы сразу-то про Польшу не сказали... А то вот так вот поедут... а нет чтобы законы посмотреть... В Японии вон вообще если расстояние на время поделить, не скорость получится, а масса... один вот так поехал, в ресторан зашел суши поесть...

Что я принес

Бегу по полю, да не бегу, ползу, здесь можно только ползти под шквалом пуль. Они уже не целятся, они уже ведут шквальный огонь в слепом отчаянии.

Только сейчас понимаю, что не чувствую за спиной Кирюшки. Что не слышу его, это понятно, здесь вообще ничего не услышишь за шквалом выстрелов. Только чувствую, что Кирюшки за моей спиной уже нет, хлопнули Кирюшку.

Бывает.

Мы знали, на что идем.

Знали.

Вон, Анютку подстрелили на полпути, даже не пикнула, не дрогнула, а могла бы и завизжать, всех нас выдать. Не выдала, знала, на что идет.

Знала.

И мы все знали, на что идем.

Иду по полю, даже не иду – ползу в траве, только бы не вздохнуть, не дрогнуть, себя не выдать.

Только бы добраться к истокам...

Смотрю вперед, где серебрится река, да не вода, река. Будь я проклят, если не доберусь...

Натыкаюсь в траве на что-то жесткое, твердое, да не на что-то – на остов, высохший костяк.

Значит, кто-то был здесь до меня.

Кто-то...

Снова прижимаю голову, прячусь от шквального огня. Прижимаю к груди фляги, еще пустые, ничего, там наполню...

Добираюсь до реки. Хочется зачерпнуть воду, и пить, пить, пить, вычерпать-выпить всю реку. И знаю, что не выпью, не то, что всю реку – ни глотка не выпью, нет в реке воды, и не было никогда.

Черпаю. Еще, еще, наполняю фляги, молюсь, чтобы донести хотя бы половину.

Она здесь чистая.

Здесь, у истоков.

Чистая, не замутненная ничем. Вы и не знаете, как это бывает, когда она – чистая. Я тоже раньше не знал, не думал, что она может быть такая... такая...

Ладно.

Неважно.

Теперь, главное, как-то домой добраться. Легко сказать, добраться, когда часовые злые, как черти. То есть, часовые-то еще ладно, с часовыми еще договориться можно, непонятно как, но можно. А вот с автоматами черта с два договоришься, автоматы тебя слушать не будут.

Вжимаюсь в землю.

Не иду – ползу, прижимаюсь к земле, чтобы не подстрелили, а ведь подстрелят, как пить дать подстрелят.

Тишина.

Такая тишина, что слышно, как течет время.

И слышно, как течет река, только не вода в реке, другое...

Другое...

Здесь она чистая. Не засоренная. Это там дальше начинается, сливают в неё всякую дрянь, ведрами, ведрами, а где-то и трубы подводят, а где и еще что, так что вообще не пойми что по реке течет...

Ползу по пустоши, прижимаюсь к земле, укрой, мать-сыра-земля, укрой, трава-мурава.

Жарко дышит надо мной раскаленное небо.

Не выдерживаю, откупориваю флягу, делаю глоток. Знаю, не поможет от жажды, все равно глотаю. Что-то как будто взрывается в голове, стараюсь не застонать от боли.

Не стонал.

Мне так кажется.

Смотрю на равнину, вижу то, чего не видел раньше, а раньше здесь, оказывается, город был, давным-давно раньше был город. Столица столиц, город, стоящий у чистых истоков. Потом уже стали уходить от истоков, и то верно, кому они, истоки нужны. Стали делать заграждения, чтобы ниже по течению город был, а выше по течению муть какую-нибудь поставят, чтобы реку замутить.

Знаем мы их.

Всю жизнь так делали. Чтобы чистой никто не глотнул, а то кто чистой глотнет, тот...

Стреляют.

Тут.

Совсем рядом.

Вжимаюсь в землю, укрой мать-сыра-земля...

Пуля обжигает затылок, и нужно остановиться, перевязать, и некогда останавливаться, перевязывать, то ползу по земле, то бегу на четвереньках, фляги, главное, фляги не растерять...

Пуля обжигает плечо.

Падаю в траву. Переждать. Придется переждать.

Выжидаю.

Шквальный огонь.

Уже не слышно, как течет река. Река, в которой нет воды.

Река, в которой...

Шквальный огонь поутихает, чувствую, что можно ползти дальше. Потихоньку, конечно. Считаю, сколько осталось фляг, хрен да маленько осталось, три штуки, если донесу хотя бы одну, буду героем.

Ползу. Стреляют куда-то, не в меня, куда-то в сторону, уже задним числом думаю, как бы в той стороне не осталось кого-нибудь из наших.

Нет, вроде всех перестреляли.

Еще на пути туда.

Ползу. Стараюсь не думать, не вспоминать, нет, все равно вспоминается что-то не к месту и не ко времени, как добирались туда, к истокам, как нам кричали в мегафон, уже не помню, что кричали, хотя нет, как не помню, такое не за-

будешь...

– Вот вы её наберете, в город принесете, а дальше что будет? А? дальше что будет, я спрашиваю? Думаете, её просто так задаром отдадут? Раздадут всем, да?

Молчим. Главное, ничем себя не выдать.

– Черта с два они её кому-то раздадут, продавать они её будут! За деньги продавать, слышали вы, и за деньги небольшие! А вам хрен да маленько с этих бабок достанется!

Молчим, подталкиваем друг друга, молчи, молчи...

Это было по пути туда.

По пути обратно все по-другому, некого подталкивать, некому молчать, никого нет кроме меня.

Выстрелы поутихают, будто задумываются, что делать дальше. Это плохо, когда они задумываются, значит, еще чего-то выдумать хотят...

Ползу на четвереньках, скорее, скорее...

Ничего.

Тишина.

На горизонте уже виднеется город, новый город, старые города остались здесь, выше по течению.

Приподнимаюсь, бегу, пригнув спину – не слышу выстрелов, похоже, пробрался-таки через полосу смерти, самому странно, что пробрал...

...вижу себя, лежащим на земле, только сейчас понимаю, что слышу рев шквального огня.

Ползу. Здесь бы отлежаться, затаиться – не-ет, мы же умные самые, мы же ползем, нам же плевать, что нас подстрелят...

Пуля разрывает еще одну флягу, капли падают мне на руку. Пью. Жадно. Глотками. Узнаю, что здесь, на этом месте тридцать лет назад казнили тех, кто пытался пройти к реке.

Ползу по траве, добраться бы до зарослей, еще не выпиленных, не вырубленных, там и затаиться можно. Черта с два мне дадут там затаиться, на тридцать три раза до этого пристрелят.

Бегу к зарослям, к окраине города, уже знаю, меня там ждут...

Жалят, жалят пули, и странно, вроде бы должен умереть, а не умираю... Задним числом думаю, может, я какой-нибудь бессмертный, тут же подкашиваются ноги, черт...

– Принес? – кто-то бросается ко мне, не вижу в тумане, кто и что, – принес?

В изнеможении опускаюсь на траву, протягиваю последнюю уцелевшую флягу:

– Я... принес.

Кто-то бормочет слова благодарности, уже не слышу слов, договариваю:

– ...правду.

Шестая октава

Беру шестую октаву.

Как всегда начинает резать уши. Больно. Сильно. Это еще ничего, когда берешь седьмую – режет только что не до крови. С восьмой и девятой проще, там я уже не слышу. И в то же время сложнее. Потому что не слышу, что играю.

Снова первая октава, милая слуху и сердцу. Вторая октава. Третья. А дальше плохо. Субконтроктава. Субсубконтроктава. Субсубсуб... низкий гул наполняет комнату тяжелым дребезжанием. В памяти голос учителя, правее – птички, левее – медведь. Нда-а, это уже не медведь, это уже бронтозавр какой-то ходит...

Беру субсубсубсубконтроктаву, одно название чего стоит, суб-суб, почти как суккуб, только хуже.

Думаю, сколько еще повелят играть. Говорят, наш брат этой музыки долго не выдерживает, десять лет – и погибают-ся...

Не думать.

Играть.

Кажется, они довольны, хотя хрен их пойми.

Кто-то ковыляет ко мне, пытается сунуть кусок шоколада. Кого-то отгоняют, не сейчас, не сейчас, не может человек одновременно есть и играть. Кто-то с шоколадом удивляется, да как не может, рот-то у него свободный...

Играю.

До-диез, си-бемоль, фа-диез, до-диез, си-бемоль, фа-диез... Тут, главное, не ошибиться, не ошибиться, если ошибусь, шеф меня закопает, как пить дать закопает...

Не путаюсь.

Играю.

Кажется, они довольны. Еще бы им не быть довольными, играет музыка, из пустоты, из ничего, поднимаются высокие башни, выше, выше, одна, две, три, больше, больше. Ложится нота на ноту, ложится блок на блок в огромном городе, поднимается мегаполис...

Третья октава. Пятая. Снова третья. Четвертая. Малая. До-бемоль, фа-диез, ля-бемоль. Суб-суб-суб-суб-сук-куб...

Слушают.

Шевелят желваками, щелкают клешнями, на ноге до сих пор саднит шрам, цапанул кто-то из молодых, играл со мной, ему потом за это чуть клешни не оторвали, не понимают молодые, что нашему брату больно...

Играю.

Мертвое тело царского наследника лежит на шелках, укрытое цветами. Стараюсь не смотреть в ту сторону, не люблю я мертвых, это шеф нарочно поиздевался, на похоронах играть послал...

Малая октава. До-диез. Большая октава. Си-бемоль. Контроктава...

Когда-то думал, что буду писать музыку.

Это было еще в те времена, когда музыка еще не кончилась.

Когда еще можно было что-то написать.

Играю.

Перебираю клавиши, не сбиться, только не сбиться. Сначала получается просто, до, си-диез, фа-бемоль, снова до, си-диез, фа-бемоль, три клавиши, три клавиши, три клавиши. А потом какой-нибудь аккорд из самой нижней октавы, где уже не медведь, а левиафан какой-нибудь, а потом на пятую октаву, где птички...

Поднимается мегаполис. Царь повелел построить этот город в память о своем сыне.

Царь повелел.

Я строю.

В рядах слушателей волнение, что за черт, ах да, играю быстро, чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее... В памяти голос учителя, куда спешим, куда спешим-то, о-о-ох, одно радуется, не доживу до позора вашего, раньше вы меня в гроб загоните...

Как в воду глядел.

И знаю, я тут не при чем, преподаватель от рака загнулся, а все равно чувство такое, что это я его свел...

Я...

Играю. Пальцы не слушаются, мозги и подавно не слушаются, ну не объяснишь публике, что не может наш брат двадцать часов подряд без перерыва играть, не объяснишь.

Играю.

В голове крутятся какие-то легенды про музыканта, который играл на балу у сатаны, договаривался на одну ночь, а играл сто лет. А вот что с ним было дальше, я не помню.

Только бы не сфальшивить, если в городе где какая стена кривая будет, меня потом самого в эту стену замуруют.

Стараюсь не смотреть на мертвое тело принца.

До, си-диез, фа-бемоль. До, си-диез, фа-бемоль. До, си-диез, фа-бемоль.

Здесь можно расслабиться.

Перебираю диапазоны, за которыми музыка перестает быть просто музыкой, становится чем-то большим.

Кажется, взял не ту ноту. Да не кажется, взял. Не ту. И не я взял, пальцы уже сами делают, что хотят, хватают не те ноты, осталось только хлопнуться в обморок, вот что значит играть без передышки.

Гул в зале.

Свиристыя, стрекочут, так и набросятся на меня.

Мертвый вздрагивает.

Поднимается.

Толпа шарахается в стороны, верещит, цвиркает, стрекочет.

Замираю.

Все разом оборачиваются ко мне. Задним числом спохватываюсь, что музыка смолкла, выдохлась, умерла. Еще волюку свои руки к клавишам, руки не слушаются, сейчас ото-

рвутся от тела и убегут, перебирая измученными пальцами.

Краем глаза вижу шефа, не того, умершего, а нового. Вон он несется ко мне, злой, взъерошенный, вот так, как сменить меня за клавишами, так это мы ленимся, а как порядки наводить, это мы всегда пожалуйста.

Бежать.

Все внутри вопит – бежать, бежать, бежать. И уже знаю, не убегу, это у нас в крови, выдрессировали намертво, когда шеф отчитывает – стой и молчи...

Умерший встает, отряхивается, отфыркивается. Вижу, как царь спешит к наследнику.

Шеф хватает меня за плечи.

– Ты... ты что играл?

– Сфальшивил, сфальшивил я...

– Да ясен пень, сфальшивил, играл что, спрашиваю?

– Эту... мелодию города... под которую город строится...

– Оо-о-о-ох, дебилище долбанное, ты что сейчас сыграл, когда пальцы свои не на ту клавишу сунул?

– Н-не помню...

– Не помнит он... ты хоть понимаешь, что сделал, чучелко ты гороховое? Ты же мертвого воскресил. Ты... ты что играл-то?

– ...не помню.

Слепящий свет бьет в глаза, что за черт, вроде бы не люди, а замашки на допросе, как у нашего брата. Или это они у нас

научились человеку в глаза светом бить.

– Может... сначала все сыграете?

Чувствую, что если начну играть сначала, точно умру.

– Не... не могу.

– А вы попробуйте.

Кто-то тащит меня к клавишам, кто-то сажает меня за инструмент – играй.

Не играю. Безвольно кладу руки на колени, не двигаюсь. Вот хоть бейте меня сейчас, не буду играть. Даже не просите. Так сидел, когда АннаПална к нам домой приходила, и начиналось, гаммы, гаммы, гаммы, и вот так же сидел, руки по швам, и мать вопит, да что за ребенок, ты меня в гроб загонишь, и АннаПална орет, такой сын маме не нужен, и все орут, и сижу, и хоть что со мной делайте, не буду играть. Так и отстали со своим пианино, так и отстали. Это потом уже, в молодости сам прикасался к клавишам, перебирал аккорды Лунной Сонаты...

Кто-то хлещет меня толстым усом по спине. Это что-то новенькое. Еще. Еще. Терплю, понимаю, что если сейчас сдамся, точно изведут меня этой музыкой.

Полицейский хочет хлестнуть меня в третий раз, кто-то одергивает его, нельзя, нельзя, человека загубишь. Поддакиваю, сгибаюсь пополам, делаю вид, что мне плохо, нельзя так человека бить, вы что...

– Что... – полицейский поднимается на тонкие ножки, впивается мне в плечи, – что вы... играли?

Еле выжимаю из себя:

– Не помню.

Они отступают. Обреченно. Отползают. Кто-то из них голосит, отчаянно, сильно, догадываюсь – этот кто-то недавно похоронил кого-то из близких...

– Нет... не помню.

Иду домой. Уже знаю, что все от мала до велика провожают меня взглядами.

Иду домой по темной улице.

Не боюсь.

Я знаю, если что-то случится, они не дадут мне умереть.

Не дадут.

В памяти слова шефа, сказанные в ту ночь, звенят, не уходят из сознания:

– И даже говорить не смей, что знаешь... Они ж тебя живым не оставят, они ж тебя сразу... как свидетеля ненужного... усек?

Усек, где тут не усечь. Понимаю, что вляпался в историю, и в историю очень серьезную. Это тебе не по клавишам бить, дома строить, города возводить, это тебе не создавать из ничего летучие корабли, это тебе не накрывать пустой стол несколькими аккордами. Это...

Пытаюсь представить себе, что я сделал.

Мне становится страшно.

– А как давно умершего можно воскресить?

Отчаянно мотаю головой.

– Не... не понял вопроса.

– Ну... вы можете воскресить того, кто умер сто лет назад?

Снова мотаю головой.

– Ой, нет.

– Вы пробовали?

– Не... не пробовал.

– Тогда откуда вы знаете, что нет?

Еле сдерживаюсь, чтобы не сказать «От верблюда».

– Надо будет попробовать, – говорит кто-то из присутствующих.

Понимаю, что попробуют. И что мне уже не отвертеться.

Эксперименты показали, что воскрешение возможно лишь в случае, если тело пролежало...

Нет, не так.

Если человек умер максимум сутки назад.

Да, как-то так они напишут. После того, как исследуют все от и до.

Этого еще не случилось.

Но случится. Когда они возьмутся за меня как следует.

– Вот одно меня радует, молодой человек... что не доживу я до вашего позора... не доживу. Раньше умру.

Смотрю на учителя. Странно, здесь нужно что-то чувство-

вать, что-то испытывать – и как назло, никаких эмоций.

От слова совсем.

Не соглашаюсь.

– Уже... умерли.

– Что? – оторопело смотрит на меня, не верит, что я могу такое сказать.

– Уже... умерли. Вон, в карту свою медицинскую посмотрите...

– Но тогда...

– А я вас воскресил.

А потом он скажет... нет, даже не знаю, что он потом скажет.

Не придумывается.

Думаю, когда за мной придут. Не для того, чтобы позвать на следующий концерт, не для того, чтобы дать гонорар, а совсем придут. Чтобы...

Стараюсь не думать, что будет, когда за мной придут совсем. И что я им скажу. И что они скажут. И что я буду делать, или спокойно дам себя увести (если будут уводить, если не застрелят прямо на месте) или... или что? Это как-то в фильмах у людей получается, а он выскочит в окно с какого-то там этажа, а его там какой-нибудь самолет подхватит и унесет далеко-далеко...

В жизни так не бывает.

Почему-то.

Нет, может, и бывает, не знаю, у кого, знаю только, что не у меня.

Смотрю в темноту ночи. Огни, огни, огни бесконечных городов – насколько хватает глаз. Я здесь высоко сижу, далеко гляжу, все вижу, все слышу...

...только меня это не спасет.

– Это все, мой господин?

– Да, все, ступайте... Хотя нет, подождите... Вот еще что. Этого... пианиста убрать надо.

– Убрать... вы имеете в виду... уничтожить?

– Совершенно верно.

– Пианиста? Вы имеете в виду того... кто играет на пианино?

– Разумеется, кого же еще.

– Я думал, вы имеете в виду особо опасного преступника...

– Да, теперь это существо можно считать преступником.

– Что же он сделал?

– А вы еще не в курсе, что он сделал? Вчерашних газет не читали?

– Оживил усопшего...

– Совершенно верно. И что, хотите сказать, этого недостаточно, чтобы охотиться на него всем миром?

– Но... я не понимаю... оживлять умерших... это же... в некотором роде... хорошо?

– В некотором роде? А вы хоть понимаете, что теперь будет в некотором роде? Что в некотором роде вся система государственная псу под хвост пойдет? Так что давайте, найдите его и уничтожьте... Хотя нет, живого мне его доставьте, живого... хотя тоже нет, убейте его... Голову отрубите, слышите? А то все остальное, в воду сунуть, повесить, это все несерьезно... знаем мы их...

– Да, мой господин. Будет исполнено, мой господин.

Да, это будет как-то так. То есть, не будет, то есть, оно уже сейчас где-то происходит, уже сейчас кто-то ищет меня, да что меня искать, можно подумать, кто-то не знает, где я.

Дома я, где мне еще быть-то.

Бежать. И чем скорее, тем лучше. Легко сказать, бежать, легко сказать – чем скорее, тем лучше. Первые самолеты отправляются в девять утра. Самолеты. Упорно называю их самолетами. Я много что упорно по старинке называю, как называлось все это до того, как...

До того, как...

Ну да.

Выхожу из дома, ночная прохлада пробирается под одежду, покусывает. Иду в сторону кладбища, точно знаю, что на меня никто не сморит, здесь по ночам никто ни на кого не смотрит.

Поеживаюсь от холода, иду мимо могил, этих не знаю, это вот шеф мой бывший, это благоверная моя (ой, некогда мне,

чмоки-чмоки, побежала я), это отец (редкие встречи, ишь, вырос-то как, а я гляди чего тебе принес), ищу могилу матери, вовремя вспоминаю, что не найду, нет её здесь. Этого человека и имени не знаю, это этот, который рядом со мной сидел, когда все случилось, хлопал по столу так, что подскакивали стаканы...

– Продрали землю, продрали, мать её тудыть... Это эти все... с орудиями со своими... понаехали, мать их тудыть... оружиев понавезли... культурный обмен, мать их тудыть...

Еще пытаюсь возразить:

– Так ведь... людей никто силой не тянул войну развязывать... Сами устроили...

– Чего сами, это они все...

Дальше не помню, что он говорил. Дальше ничего не говорил, фырках, хрипел, кашлял, рухнул мне под ноги, забился в судорогах, тогда много кто падал под ноги и бился в судорогах...

Еще дальше тоже не помню, нужно было что-то делать, куда-то идти, где-то жить, что-то есть. И не шлось, и не искалось, сам не понял, как устроился за пианино, чудом уцелевшем в полуразрушенном здании, перебирал клавиши, пропади оно все на свете, перебирал клавиши, слушал, как из ничего, из тишины проклевывается Лунная Соната...

Не так.

А?

– Не так, говорю... Этим ты их не удивишь...

Оборачиваюсь, гляжу на тощего мужика за спиной.

– Кого их?

– Этих, кого... для кого играешь-то?

– Для себя, для кого.

– Для себя играть будешь, на хлеб себе не наиграешь...

Это вон, для этих надо... Они тебе хлеба дадут, еще чего... только им эти твои пять октав даром не нужны, шестую добавляй, седьмую...

– Издеваетесь?

– Чего издеваюсь, серьезно все... А ничего, хорошо играешь, толк из тебя выйдет...

Хочу сказать, что бестолочь останется.

Не говорю.

Иду вдоль могил. Представляю себе, как жму на клавиши, беру шестую октаву – до боли, до рези в ушах, – нанизываю ноты на тишину. Почему-то не хочу себе представлять, как разверзаются могилы, как выходят мертвецы, почему-то не по мне весь этот Армагеддон. Почему-то видится все по-другому, красиво как-то... не знаю, как, но красиво. А потом они оглянутся, не сразу поймут, что случилось, а потом... Ну да, а потом они передерутся. Все. Как дрались в последние дни войны, когда все случилось, когда сначала до последнего клялись, что не получали технологий от Тех, потом до последнего поклянутся, что не будут применять технологии, ну

ладно, не будут применять первыми, ну...

А потом...

Живо представляю себе, как буду метаться между враждующими армиями, орать, чтобы остановились, чтобы одумались, чтобы...

Или все будет по-другому.

Не знаю, как.

Представляю себе полуживых мертвецов, которые ползают по земле, пытаются подняться, не могут, падают, снова ползут, а к нам уже спешат полицейские, и...

Стараюсь не думать, что И. начинаю понимать, что делать это нужно не здесь, не в центре города, а где-нибудь в чистом поле, в лесу, не знаю, где, где еще остались кладбища, мертвецы, а то может мертвецы безо всяких кладбищ, в разрушенных городах, смотрящих в небо глазницами выбитых окон... И ведь остались где-то мертвые города, остались – никем не воскрешенные. Всякие кремли-лувры-бигбэны мне еще доверили воскрешать после войны, возили по городам, выводили из машины где-нибудь перед остатками Триумфальной арки, настраивали пианино, усаживали за клавиши – играй. Еще тогда просил позволения восстановить весь город – не понимали, спрашивали – зачем, просил позволения зарыть истлевшие останки – на меня смотрели, как на психа, я сам на себя смотрел, как на психа...

Телефонная трель.

Вздрагиваю. Обреченно смотрю на телефон, вот оно, началось...

Почти наугад хватаю вещи, бросаю в сумку, думаю, что мне может пригодиться, да все мне может пригодиться, а всё с собой не унесешь.

Знать бы еще, куда я собираюсь все это уносить.

Играет в голове лунная соната.

Тихонько выбираюсь на улицу, оглядываюсь. Иду крадучись, нет, нельзя крадучись, так сразу поймут, что я что-то нехорошее замышляю. Стараюсь идти как можно спокойнее, мысленно повторяю про себя, а что, а я ничего плохого не замышляю, а я...

Наталкиваюсь взглядом на полицейского на углу, он кланяется мне, как старому знакомому. Понимаю, что видел его, не далее, как вчера...

– Что... – полицейский поднимается на тонкие ножки, впивается мне в плечи, – что вы... играли?

Еле выжимаю из себя:

– Не помню.

Он делает шаг мне навстречу.

Делать нечего, замедляю шаг, кланяюсь в ответ. Он шагает ко мне, посмеивается чему-то, показывает на заголовок газеты. Делаю вид, что очень-очень заинтересован, стараюсь унять бешено бьющееся сердце...

Смотрю в заголовок.

Не понимаю. Мысли путаются, пытаюсь собрать их вместе, не могу.

...пережил клиническую смерть, пришел в себя во время собственных похорон. Несведущие граждане уже связали это событие с неудавшимся пассажем, который играл пианист Юрий Ханин...

Думаю, кто такой этот Юрий Ханин, откуда он вообще взялся, Юрий Ханин этот, с трудом узнаю собственную фамилию, смотрю на свою фотографию, ну и рожа у меня за пианино, это у меня всегда рожа такая...

Иду домой, уже даже не думаю, как странно выгляжу, только что спешил куда-то, и вот уже спешу домой, уже даже не думаю, как бы это обыграть, ну там вышел на улицу, забыл что-то, вернулся домой... Мне уже плевать, что обо мне подумают, мне уже на все плевать...

Беру шестую октаву.

Как всегда начинает резать уши. Больно. Сильно. Это еще ничего, когда берешь седьмую – режет только что не до крови. С восьмой и девятой проще, там я уже не слышу. И в то же время сложнее. Потому что не слышу, что играю.

Снова первая октава, милая слуху и сердцу. Вторая октава. Третья. А дальше плохо. Субконтроктава. Субсубконтроктава. Субсубсуб... низкий гул наполняет комнату тяжелым дребезжанием. В памяти голос учителя, правее – птич-

ки, левее – медведь. Нда-а, это уже не медведь, это уже бронтозавр какой-то ходит...

Беру субсубсубсубконтроктаву, одно название чего стоит, суб-суб, почти как суккуб, только хуже.

Думаю, сколько еще играть, сколько еще доводить себя до такого состояния, чтобы пальцы сорвались с цепи, чтобы сами забегали по клавишам, чтобы сами сыграли то, самое, чтобы...

Темное кладбище молчит за моей спиной.

Беру шестую октаву. Седьмую. Восьмую. Девятую, там, где не птички, а уже сам не знаю, что.

Жгучая боль вонзается в уши, разрывает мозг.

Играю.

Перебираю пальцами по клавишам, еще, еще, еще.

В какой-то момент начинаю понимать, что не слышу мелодии. Совсем.

Липкая влага наполняет уши, липкие теплые струйки стекают по моим вискам.

Стараюсь не замечать. Неважно, все неважно, помню мелодию, назубок помню, сыграю.

До-диез, си-бемоль, фа-диез, до-диез, си-бемоль, фа-диез...

Птички...

Медведь...

Снова птички...

Беру шестую октаву...

Плата за плато

Воспоминание первое. Случайное

Оглядываю собравшихся, спрашиваю, как бы между прочим:

– А Ленка где?

Вот, блин, зачем спросил, кто меня за язык тянул. Вот теперь и объясняй, что дела мне никакого нет до этой Ленки, а то начнется сейчас, ты чего, влюбился, что ли, ты по Ленке соскучился, нравится, да?

Уже наскоро придумываю какую-то историю, как Ленка заняла у меня тысячу... нет, две... а вот теперь не пришла, а мне как прикажете до зарплаты, а...

Парни и девчонки смотрят на меня, будто ляпнул что-то непристойное. Вот, блин, начнутся шуточки...

– В пропасть упала, – говорит Антон.

Вздрагиваю. Как-то всего ожидал, но не этого. Началось, блин... в деревне утро. Закричали петухи.

Зачем-то спрашиваю

– Насмерть?

Мысленно бью себя по губам, кто меня вообще за язык тянул...

Парни с девчонками переглядываются, а ты как думал...

Тихонько наклоняем головы, аминь, и все такое.

А потом надо как-то начинать работать. Понять бы еще, как после этого начинать работать...

Воспоминание второе. Тоже случайное

Смотрю на квиток зарплаты, кусаю губы.

Ленка вычеркнута, упала в пропасть пятнадцатого сентября.

Алешка вычеркнут, свалился в пропасть девятого сентября.

Илюшка с Оксанкой тоже зачеркнуты, правда, не написано, что с ними случилось. Еще тешусь какой-то надеждой, что может, ушли, да нет, с такой работы не уходят, или их ушли, а что, местечко тепленькое, шеф свою дочку тупоголовую вместо них поставил, или... Но уже чувствую, сметчик просто забыл подписать про бездну.

– А теперь их зарплата нам достанется?

Это дочка начальника спрашивает. Тупоголовая.

– Ты дура, что ли, – отвечает Танька, вот, блин, не выдержала, ответила, начальничек теперь ее саму в пропасть выкинет...

Дочка начальника оторопело смотрит на Таньку, вот, блин, привыкла, что она всех дураками и дурами называет, а тут на тебе...

И надо как-то начинать работать. Понять бы еще, как работать после этого...

Воспоминание третье. Случайнее некуда

– Ма, а где па?

– В пропасть упал.

– Не-е, правда.

– Говорю тебе, в пропасть.

Я еще маленький, а уже все понимаю. Понимаю, что мамка говорить не хочет, что-то случилось, папка ушел, папки, они всегда уходят, вон, у Люшечки тоже папка ушел, а мамка говорить не хочет... Мамка люшечкина потом говорила, что папка у них козел...

– А он козел, да?

Мамка отвешивает мне подзатыльник.

– Да как ты смеешь, да кто ты такой, козявка мелкая, про папу такое говорить...

Я реву. Потому что я не козявка мелкая, а человек. Вот вырасту, вот докажу им всем... докажу...

Потом. Пару дней спустя.

– Ма, а где ба?

– В пропасть упала.

Я даже не переспрашиваю. В пропасть, так в пропасть. Ба, она такая. Вон, у Катюхи тоже ба была, и нету, а потом было

много цветов, когда ее не стало, и все в черном ходили, и ма меня по щекам хлопала, не смей радоваться, всем грустно, все плачут, а ты здесь, дрянь такая, радоваться будешь...

Так что я про ба даже не спрашиваю.

Потом. Уже совсем потом. Уже не помню, когда. А когда у меня Конан умер, вот тогда. Я еще ревел...

– А Конан твой где, что-то под ногами не вертится, на стол не лезет...

– В пропасть упал, – отвечаю.

Ма вздрагивает.

– Да чего глупости говоришь, это ж не человек, собака, с чего он в пропасть упадет...

Я даже не понимаю, что она говорит, реву, Конан умер...
Мать верещит про какую-то суку у Кудыкиных, такие щечки хорошие, так и хочется послать ее подальше с ее щечками.

Воспоминание четвертое. Уже не случайное. Такое не забудешь

Как мы с пацанами бегали смотреть пропасть.

Это все Корефан, идиотище, выдумал. Сбежали, конечно, с уроков, драпанули на край земли, где пропасть, еще стращали друг друга, у-у-у, увидят тебя, сам в пропасть свалишься... Тебя генерал увидит, сам в бездну спихнет...

– Ап!

Помню, как смотрели туда. С замиранием сердца смотрели, как люди подходили к краю земли, к краю пропасти.

– Ап!

По команде генерала прыгали вниз. Кто-то прыгал сам, кого-то приходилось сталкивать, женщина какая-то завизжала, заотбивалась, не хочу, не хочу, не буду, не надо, помню, как ее схватили за руки, за ноги, швырнули вниз, помню ее крик...

– Ап!

Помню, как сидели, скованные страхом, шевельнуться боялись, там, за сараями, смотрели на падающих людей... и смотреть нельзя, и не смотреть нельзя, вот я вам что скажу...

– Ап!

Страшный окрик, которому невозможно не подчиниться, окрик, по которому мы сами чуть не бросились туда, в про-

Воспоминание очередное. Нарочное

Тем же вечером.

На потолке пляшут зайчики от ночника.

– Ма, а я в пропасть не упаду?

– Ну что ты глупости говоришь такие, нет, конечно.

Ма отмахивается. Она всегда отмахивается, когда говорю про какие-нибудь взрослые вещи, например, когда спросил, что они с дядей Петей делают, и почему я в это время в киношку должен уходить...

Воспоминание шестое

– А Минька где?

Работяги смотрят на меня, будто ляпнул что-то неприличное. Я и сам чувствую, не то ляпнул.

– В пропасть упал, где, где... – бормочет Харитоша.

Киваю. Мог бы я и не спрашивать, и так понятно. Приступаю к работе. Привыкли уже, что сначала про кого-нибудь скажут, кто в пропасть упал, а там и к работе приступим...

Сегодня работы много, сегодня вон сколько всего за ночь появилось. Земли гектар сто, не меньше, на ней лесочек сосновый, поле непаханое. Вещей навалом, одежды куча, девочки визжат, а чего визжать, им все равно ничего не перепадет, они же на службе... все равно, пока все не перемеряют, не успокоятся, и дочка начальникова толстомордая пуще всех... Она, похоже, кой-чего с работы себе утаскивает... ладно, не мое дело...

Еды до фига и больше за ночь появилось, на любой вкус, ну тут уже никто не удержался, все попробовали, всем понравилось. Главное, пробовать, пока начальник не видит, и выбирать что поплоче. Ну там тортик помятый, или колбаса пополам переломилась, или еще что.

Мебели много появилось. Кресла, диваны, шкафы, какая сволочь их тяжелыми такими делает... да никто их не делает, сами появляются. Девки визжат, я себе диванчик такой хочу,

мы материмся, нам что потяжелее перетаскивать выпало...

Ну и недвижимость. Дома. Коттеджи. Многоэтажки элитные. Отдельно машины стоят. На этот раз все сплошь дорожные, даже нам с нашими зарплатами смотреть на них нечего. порш кайен и все такое. Дочка начальника толстомордая нашла себе матиз розовый, забралась туда, хочу-хочу-хочу, мне-мне-мне...

– А ведь ее должны были в пропасть кинуть, – шепчет мне Ирка, – а кинули Миньку, во как.

– А ты откуда знаешь?

Она машет рукой, мол, в России все секрет, и ничего не тайна.

Интересно, где это, – Россия.

Воспоминание восьмое

Двое на пороге.

– День добрый. Кондратенко вы будете?

– Что буду, я и сейчас Кондратенко есть...

– Шутите... эт хорошо, когда человек шутит... господин

Кондратенко, вам выпадает великая честь...

Слушаю.

Рушится мир.

Это было потом, а до этого было воспоминание седьмое. Случайное. Просто нечаянно вылезло из памяти.

– Да говорю тебе, все сходится!

Ирка орет, да что с ней сегодня, как с цепи сорвалась... да мы все сегодня как с цепи сорвались, конец месяца...

– Какое сходится, ты сама-то посмотри, появилось земли – две тысячи гектар, а осыпалось – две двести! Плато осыпается! Ты прикинь, это хана всем!

– А сегодняшний день ты не считаешь, что ли? На хрен надо? – вопит Ирка, – день посчитай, вот и сойдется все! Двести пятьдесят гектар появилось! Растет платформа, нормуль!

Перевожу дух. Точно, слона-то я и не приметил... вот, блин, вот что значит, запарился...

Воспоминание семь с половиной

– ...переходим к новостям науки. Дополнительно сообщаем, что сегодня в телескопы можно будет наблюдать соседнее плато, которое подойдет к нашему на расстояние...

Отмахиваюсь. У меня телескопа нет, мне смотреть не на что. Смотрю на бесконечную пустоту за краем нашего плато. Как маленький думаю, есть ли там другие плато и другие люди на других плато. Ма тогда сочиняла мне какие-то сказки про других людей там, там... Их тоже сбрасывали в бездну, но только тех, кто плохо себя вел. А я говорил, что пойду и их всех спасу.

Воспоминание восьмое. Продолжение

– Это... это какая-то ошибка, – говорю срывающимся голосом, почему мой голос меня не слушается.

– Нет, вас выбрали... – конвоир еще раз смотрит в документы, – Кондратенко Игорь Николаевич.

Выжимаю из себя:

– За что?

– Вы что, совсем уже? – второй конвоир крутит пальцем у виска, – вам великая честь выпадает, а вы...

– Счастья своего поколение нынешнее не понимает...

– Трусло...

– Вот мы в их годы...

Чувствую, что краснею. Вспоминаю плакаты, как конвоиры подходят к двери того, кто прячется, внизу подписано – Выходи, подлый трус...

И все равно...

Ошибка какая-то...

Воспоминание седьмое и три четверти

Когда мне маленькому говорили, как люди падают в бездну, я отвечал:

– А я... пойду и их всех спасу.

Потом было стыдно. Потом. Когда с Корефаном сидел за сараями, смотрел, как людей бросают в бездну, сидел, скованный страхом, не мог пошевелиться...

Какое там... пойду-спасу...

Воспоминание восьмое

Ошибка какая-то.

Я все еще думал – ошибка какая-то. Все еще думал, когда стоял со всеми на площади перед пропастью, и главный с трибуны восторженно говорил, что вам выпадает величайшая честь... все такое...

Еще была шальная мыслишка... улизнуть... сбежать... если бы конвоиры еще так не тарасились...

Очередь неумолимо приближается ко мне. Какая-то женщина рвется из рук конвоиров, не хочу, не надо, пожалуйста, а-а-а...

Падает.

Главный пожимает руку еще кому-то, молодец, парень, далеко пойдешь... парень покорно прыгает с края плато.

Сдавленный крик.

И тут я понимаю, что нужно делать...

Успокаиваюсь. Делаю вид, что успокаиваюсь.

Главный пожимает руку хрупкой девушке, называет ее достойной дочерью отечества. Девушка в ужасе замирает над бездной, Главный сам сталкивает ее вниз.

Крик.

Я жду.

Еще какая-то девица закатывает истерику, катается по земле, молотит кулаками в асфальт. Узнаю дочку началь-

никову толстомордую, вот, блин, какое гаденькое злорадство в душе, аг-га, и тебе досталось...

Жду.

Серое небо нависло низко-низко, смотрит в душу.

Очередь доходит до меня, Главный бормочет что-то, о-о, какой бравый парень, молодец, далеко пойдешь...

Пожимает мне руку.

Точным движением сталкиваю Главного в пропасть.

Сдавленный крик.

Не воспоминание

Вот сейчас спросите меня, как это у меня получилось, как я его столкнул. А я не отвечу, не знаю...

Вот так.

Просто.

Так по молодости было, когда в переулке какие-то отморозки навалились, четверо, сам не помню, как я их раскидал, как вырвался, и при том, что весу во мне в половину меньше, чем в каждом из них, и...

Вот здесь так же.

Черт пойми...

Воспоминание девятое

Хочу крикнуть Димке, чтобы не открывал, идиотище, да как же, он уже открыл, идиотище, уже впустил, кто там в дом ломился...

Прячусь.

Сейчас бы стать узким, плоским, вжаться бы в какую-нибудь щель, вот у тараканов это как-то получается, ма, почему ты родила меня не от таракана, сейчас бы запрятался я...

Стучат подошвы о пол.

Идут.

– А-а... да пропал он куда-то, Игореха, запил, поди... на работу неделю не выходит... алкашня чертова...

Молодец, Димка...

– Ему пропасть выпала.

Глухой басок конвоира.

– А так вообще чё его ищите, раз он в пропасть упал...

Молодец, Димка...

– Да не упал, в том-то и дело...

Стук шагов...

Не сюда, не сюда, не-сюда-не-сюда-несюданесюда...

Заходят двое, крепкие здоровяки, флаг платформы на рукаве, все при всем...

Немая сцена.

Опускаются на колени. Передо мной.

– Господин Главный... когда приступите к своим полномочиям?

Платформа качается под ногами.

Не воспоминание

Это я вам так просто зачитаю:

Согласно постановлению КРК СПРКРК от 34.13.3154 г. лицо, ликвидировавшее Главного автоматически назначается на должность Главного в случае достижения данным лицом двадцатилетнего возраста...

Воспоминание девятое

– Простите... что?

Они думают, что ослышались. Они еще думают, что я ошибся, сказал что-то не то, что я...

А вот фиг вам.

Повторяю приказ. Встали, вытаращились, ага, струхнули... первый раз их в таком состоянии вижу...

– Исполняйте. Немедленно.

– Господин Главный, мы правильно поняли... вы... требуете, чтобы вас столкнули...

– ...в пропасть, – добавляю я.

Воспоминание десятое

На площади собрались люди. Много людей. Я и не знал раньше, что у нас в городе так много людей, да что я вообще знал про город...

Что я вообще раньше знал...

Это, знаете, игра такая есть. Или спорт. Или не знаю, как назвать. Человека привязывают резинками за ноги, бросают в реку, легишь, визжишь, здорово... Только это здорово, когда в реку. А когда в бездну, как-то не очень здорово.

Ну да ничего.

Самолично проверяю веревки. Вроде надежные. Да что надежные, мои дружки меня в два счета отвяжут и сбросят – насовсем, даром, что вместе работали, даром, что столько лет вместе вещи разбирали. Кто-то уже метит на мое место, кто-то уже подумывает, как бы устроиться... в Главные.

У Главного плюс, Главного не сбросят в пропасть.

– Кирюш... будь другом, давай, поддержи веревки... вытаскивать меня будешь...

Кирюша кивает, интересно, что-то он задумал...

– Если нормально выберусь оттуда, я тебя Главным назначу...

Фыркает. Не верит.

Серое небо наклонилось низко-низко, разглядывает нас...

– Хочешь, сейчас приказ подпишу...

Вспоминаю, что не умею подписывать приказы. Вообще много чего не умею, вчера ужинал с министрами, была потеха, сунул какую-то дрянь в рот, чуть зубы не сломал... Господин Главный, это устрицы, их открывать надо...

Вот, блин...

Кирюха услужливо сталкивает меня в пропасть.

Воспоминание одиннадцатое

А?

Что?

Нет, конечно, было не как во сне. Конечно, по-другому. Пасть совсем не такая была, зубы вовсе не в три ряда, а в четыре. И языка не было. И ноздрей тоже. Просто пасть. И зубы. И темнота там, за зубами.

И оно не приближалось ко мне. Не дергалось. Не тянулось. Оно терпеливо ждало, пока я упаду.

Еле вспомнил про подарок. Я же подарок для него приготовил, я же не просто так упал. Еле успел вытащить этот подарок, зажег бикфордов шнур, бросил в распахнутую пасть...

Падаю...

Неужели веревка слишком длинная...

Неужели...

Черт...

Нет, дергают, тащат вверх.

Понимаю, что кричу. Громко, во весь голос. Краем глаза вижу, что это медленно тянется за мной, поднимается за своей добычей, не хочет упускать...

Падаю на асфальт, все еще захлебываюсь собственным криком. Равнодушно смотрю, как нечто огромное поднимается над плато, скалит зубы, тарашит на меня незрячие бель-

ма, почему-то их не два, а три...

Толпа отхлынула от края плато, растеклась по переулкам...

Почему я не бегу, почему я даже не пытаюсь отвязать веревки, почему сижу на асфальте, смотрю на нечто огромное, почему не могу пошевелиться, чего я жду...

Оскаленная пасть тянется ко мне.

Чего я жду...

Глухой взрыв где-то там, кажется – на дне бездны.

Пасть разлетается на кусочки, взрывается кровавыми клоунами, кровь почему-то не красная, а черно-зеленоватая, липкая, шлепками падает на стены, на асфальт...

Где люди, где что, вот черт... я чего-то другого ждал, оваций каких-то, славы, славы, великий, и все такое... мертвая тишина, как будто город вымер.

Воспоминание двенадцатое

А?

Чего?

Да нет, не вымер город, нормально все было. Что помню... ничего толком не помню... Помню, дворникам бешеные деньги платить пришлось, чтобы там, на площади кровь оттерли. Биолухи наши постарались, посмотрели кровящую эту под микроскопами, разобрали, что ничего страшного, а все равно... боялись люди. Я уже сам пример показал, на субботник с тряпками-ведрами вышел...

А?

Да было все, было, конечно... и орации, и все при всем. Мне премию мира дали. А? да сам не понимаю, почему мира. Ну... надо же было какую-то дать...

А?

Да нет, не остался я в главных. Не мое это... это мы в детстве все мечтаем, во-от, вырасту, во-от, стану Главным, во-от, буду конфет есть сколько захочу, вот так приду в магазин, и все шоколадки там мои будут... и Корефана, идиотищу, прикажу на главной площади казнить, а чего он портфелем меня по башке... и ма прикажу, чтобы на работу не ходила, со мной сидела... и вообще...

Так это по молодости...

А когда тебе двадцать с хвостиком, уже как-то не до того.

А? чего?

Нет, почему, выбрали Главного... толкового мужика выбрали, всем народом выбирали... он раньше директор чего-то там был, а теперь Главный...

Это все были воспоминания.

Перебираю их от нечего делать. Все равно больше ничего не осталось. Воспоминания.

Сегодня по радио передали, плато осыпалось еще на двести гектар. У меня уже даже сердце не дрогнуло. У меня его как будто не осталось, сердца.

Иногда приходим на пустошь, ждем, может, появится еще что-то. как в старые добрые времена, когда приходили на рассвете, разбирали – одежду, еду, девки тортики хватали, мы диваны таскали, матерились, смотрели новостройки...

Уже знаем, что ничего не появится.

Потому что.

И не спрашивайте – почему. Все смотрят на меня так, будто я что-то знаю. А я не больше вашего знаю. Почему перестало появляться все и вся. Почему осыпается платформа. Почему мы считаем дни до того момента, когда обвалится все.

Только иногда по ночам просыпаюсь, подброшенный каким-то нехорошим чувством, спрашиваю самого себя – кого я убил?

Кровь поднимается в воздух

Статус: Жизнь – это прелюдия к смерти.

Обновлен: 27.06.2070

– Не получилось, – заявляет Заморский.

Смотрю на Заморского с ненавистью, я те дам не получилось, вот не получится, вот ты виноват будешь.

Двадцать часов четыре минуты от начала. Ничего не происходит.

– Провалилась теория ваша, – добавляет Заморский.

Заморский, это не происхождение. Это фамилия такая. Хочется прихлопнуть его чем-нибудь, да потяжелее.

Смотрю на экран, на холл «Ариэля», ну же, ну же, ну, быть не может, чтобы ничего.

– А может... в других отсеках?

– А может быть, ворона? – смеется Заморский.

– Чего?

– А может быть, собака? А может быть, корова? И там уже позавтракать, а может, пообедать, а может, и поужинать спокойно собралась.

Заморский смеется, девки Заморского хохочут, много девок у Заморского. Потому и не любит меня Заморский, думает, я сплю и вижу, как его гарем себе присобачить...

Да не дай бог.

– Ну ладно... сидите тут, если хочется, а мы пойдем...

Даже не отвечаю. Смотрю на экран, завораживаю взглядом, ну пожаа-а-алуйста, ну хоть что-нибудь...

– Кровь!

– Чего?

– Вон... смотрите... на полу....

Смотрим на чуть проступившее пятно, изогнутое подкожной.

– Вот черт... ну-ка, девоньки, скорость поднимите...

– А как?

– Да вот же, на кнопочку...

Кусаю губы, если бы я спросил, – а как, наслушался бы про себя всякого. Заморский повышает скорость, пятно темнеет, разгорается, уже никаких сомнений – кровь...

– Ну что, – Заморский смотрит на меня, как на врага народа, – Ариэль сегодня вернулся.

– Очень рад за него.

– А кто такой, хоть знаете?

– Греческий бог какой-то... или постоит...

– Или ансамбль, – в тон мне добавляет Заморский.

Девки ржут.

– Ну ты смотри, уже хохочут над тобой!

Хочется грохнуть его чем-нибудь по башке и уйти. Не грохаю. Не ухожу.

– Э-эх, это ж челнок наш космический, чудо ты наше! Зна-

ток ты наш! Вернулся... откуда там... в-о-от, сам не знаю, откуда.

– Но вернулся, – добавляю я.

– Вот-вот... а потому дельце есть...

– Сперли, что ли, челнок?

– Сплюнь, я те сперну! Сопру, то бишь. Не-е, тут другое... челночок-то приземлился, а на борту ни души...

Хочу спросить, где душить. Не спрашиваю.

– Ни одного человека, понимаешь?

– А были?

– Были, были, трое, не сомневайся даже. А тут нате вам, челнок пустой.

Холодеет спина. Конечно, всякое доводилось расследовать, отчим надругался над падчерицей, сын зарезал родителей за то, что не давали ему играть в варкрафт, убитый грабитель вернулся через десять лет и отомстил своему подельнику...

Но такого еще не бывало... Это новенькое что-то... слишком новенькое...

Досье

Иваничко Игорь Павлович

Г.р. 2005

Образование – неоконченное начальное

Предыдущие места работы – разнорабочий, грузчик, рас-

клеЙщик, промоутер, сортировщик мусора.

Особые пометки – в 2025 г осужден за кражу на три года, в 2030 году осужден за повторную кражу на десять лет.

Характер: вспыльчивый, неустойчивый, легко впадает в ярость, в бешенстве не знает границ. В молодости был судим за драку, но отпущен в связи с не достижением совершеннолетия.

Состояние здоровья – удовлетворительное.

Коньшев Антон Викторович

Г.р. 1997

Образование – высшее, специальность – (инженер-технолог)

Предыдущие места работы – наладчик КИПиА, ведущий инженер ООО РМЗ

Особые пометки: нет

Характер жесткий, требовательный, очень ответственный, хороший семьянин, очень любит сына.

Состояние здоровья – удовлетворительное (травма коленного сустава, удален желчный пузырь)

Коньшев Алексей Антонович

Г.р. 2037

Образование – высшее, первое образование – инженер-технолог, второе образование – астрофизик. Дополнительно: курсы навигации, курсы СТО.

Предыдущие места работы: нет

Особые пометки: окончил школу с золотой медалью, два красных диплома.

Характер – ровный, спокойный, замкнутый, на контакт идет неохотно

Состояние здоровья – отличное.

Перечитываю досье, нда-а, характер спокойный, нордический, в порочащих его связях замечен не был...

– А дальше?

– Что дальше? – спрашивает Заморский.

– Досье...

– Три человека в корабле были, какое вам еще досье надо?

Людка ржет, как лошадь. Хочется застрелить её на месте.

– Ну что, начитались? Пойдемте уже, на месте посмотрим...

На месте... почему-то не хочется заходить на это самое место. Совсем. Приближаешься к стальной громадине, думаешь, какое расстояние пересек челнок, и становится страшно.

– А с радиацией тут как? – осторожно спрашиваю.

– Зашкаливает, вы даже не переживайте, – Заморский смеется. Первый раз вижу Заморского без девок, даже без Людки, это плохо, что без девок, значит, и правда тут небезопасно...

– Ничего не трогали? – спрашивает Заморский притихших мужичков.

– Да нет, вроде...

– Вроде или нет?

– Нет.

Говорят так, что уже понимаю – сами не помнят, тут тронули, там сдвинули, сям толкнули.

– Ну-ну...

Оглядываю широкий холл, стол посередине, начинаю понимать, что тут и правда невозможно что-то сдвинуть, столы, стулья, стеллажи привинчены к полу. А вот это не привинчено, маленький кольт в углу...

– Ваш? – спрашиваю у мужичков.

– Чего?

– Ваш кольт?

– Не-е, мил человек, нам начальство не даст... а у меня дробовичок дома...

Холодеет спина, значит, кольт лежал здесь до того, как «Ариэль» опустился на землю. Или не здесь, или на столе, или еще где, почему-то представляю себе, когда «Ариэль» опускался, здесь все ходило ходуном...

Ищу следы, какие там следы, все покрыто пылью, откуда она вообще в челноке. Припоминаю досье, годы рождения, какая-то нехорошая догадка...

– А сколько челнок летел?

– Туда-обратно лет двадцать.

Чуть не хлопаю себя по лбу. Если здесь что и было, то исчезло давным-давно.

Черт...

– А я-то что могу сделать?

– То есть, семь лет криминалистику учили, и ничего сделать не можете? – вопрошает Заморский.

Девки хохочут, Людка заливается смехом. Чувствую себя беспомощным, в универе все как-то просто было, отпечатки пальцев, допрос свидетелей, алиби, мотивы преступления... а тут нате вам...

Хочется встать и уйти. Встаю и ухожу, пошли они все к черту. Вспоминаю что-то про срок давности, что было десять лет назад, на то вообще смотреть нечего...

У выхода спохватываюсь:

– А... эс-тэ-о, что такое?

– Кто из нас криминалист, вы или я? – взрывается Заморский.

– Да это вроде специальная теория эта... относительно-сти, – бормочет Людка. Оторопело смотрю на неё, странно так, будто обезьяна заговорила или комнатная болонка. Специальная теория... что-то вертится в голове, какая-то мысль, никак не могу за неё ухватиться...

– А если это...

– Чего?

– А если...

– Ну, вот видите... если «Ариэль» пустить со сверхсветовой скоростью...

– Законом запрещено, – отзывается штурман, худой, бескровный, безликий, кажется, он даже не представился, когда мы вошли, а может, у него и имени нет.

– Я говорю, если пустить Ариэль со сверхсветовой скоростью... время пойдет назад, увидим, что там было...

– Людей-то всё равно не воскресить, – не соглашается штурман. Видно, что не хочется пускать ему Ариэль на всех парах, ой, не хочется.

– Хоть узнаем, кто кого убил.

Или не узнаем, мысленно добавляю про себя.

Пятно крови темнеет, растёт, чуть поодаль появляется еще одно пятно, так и хочется подойти к нему, проверить, точно ли кровь, только не подойдешь сквозь экран, сквозь километры...

Кольт в углу вздрагивает, взлетает в воздух. Жду, что он упадет – не падает, парит в пустоте...

Вот черт...

Людка визжит, убегает вон из комнаты. Перевожу дух, меньше народу, больше кислороду...

Первое пятно крови стремительно сжимается, вытягивается в тонкую трубочку, поднимается в воздух. Мой желудок подкатывается к горлу, только бы не стошниться здесь...

– Смотри... вишь? – Заморский показывает на дрогнувший кольт.

– Чего?

– Это в него пуля влетела.

– Не вижу пули.

– А её здесь и нет. Это тогда, когда они там друг друга убивали, вот, видать кто-то из колта пулю выпустил... застрелил кого-то...

Второе пятно тоже вытягивается в трубочку, кровь вспоминает своё прошлое, как она текла по сосудам, поднимается в воздух, растекается по несуществующим венам, по капиллярам...

Желудок вываливается в рот, поспешно сглатываю жёлчь. Заморский протягивает мне стакан чая, глотни, полегчает...

Глотаю. Привкус во рту уходит, легче не становится. Кольт вздрагивает ещё один раз, еще один выстрел. И тут же опускается вниз, замирает в воздухе.

– В карман положил, – шепчет Заморский.

– К-кто?

– А то сам не догадываешься? Ну, кто двоих-то застрелил?

Прикидываю:

– Этот... мусорщик... без образования...

– Ну конечно, Иваничко их грохнул...

– А... т-тела?

– Оставил где-нибудь... на пыльных тропинках далеких планет... и сам туда же.

Киваю. Смотрю на колыт, как он покачивается в пустоте, расхаживает по комнате, чувствую, как что-то не сходится все больше и больше...

– А в дверь стучать тебя не научили? Ну так я научу. Не видишь, занят...

Вижу я, как ты занят... Людка сидит рядышком, хихикает, ну конечно, обсуждаем рабочие вопросы...

Ладно, некогда. Говорю сразу же.

– Это не Иваничко.

– Что?

– Это не Иваничко.

– Какая еще Иваничко?

– Не какая, а какой... этот... мусорщик... разнорабочий...

– И чего?

– Это не он убил.

– А кто?

– Вы по видео посмотрите, на каком уровне человек колыт держит? Высоко. А рост у Иваничко какой?

– Метр с кепкой.

– Ну. Старший Конышев тоже не бог весть какой высокий, что остается?

– Думаешь... младшенький?

– Ну. Алексей... убил.

– Стой, что получается-то... видно, Иваничко ему там

угрожал чем, или я не знаю, что... восстание. Бунт на корабле. Алексей его и пристрелил... Стой, не сходится, а отца он тогда за что?

Молчу. И сам понимаю, не сходится, так не сходится, что дальше некуда. И все-таки не Иваничко это, не Иваничко, вот провалиться мне на этом самом месте...

Снова звонят. Нет меня, нет меня, нетменя, как это говорят, чем сильнее звонят в дверь, тем больше меня нет дома...

И все-таки иду, открываю, вот вы мне скажите, зачем иду открываю, кого я жду, нотариуса, который даст мне наследство от не известного мне дядюшки, или людей с микрофонами, поздравляем, вы стотысячный посетитель общественного туалета, вы выиграли миллион долларов... или нет, лучше в евро...

– Привет.

С ума я сошел, что ли... померещилось. Нет, не померещилось, Людка стоит, переминается с ноги на ногу.

– Ч-чего?

– Привет, говорю.

Не понимаю. Хочется вытолкать её за дверь, ненавижу её, ненавижу этот женский смех, как они хохочут, ах-ха-ха...

– Войти-то можно?

Спохватываюсь:

– Чего надо-то?

– Ты смотри, чего я нашла... Вконтакте...

Хочется провалиться сквозь землю, сдурела девка, сейчас будет мне свои луки показывать, или как это называется, ой, миленький, ты смотри, какой котенок, ми-ми-ми, няшечка, ну поста-а-а-вь лайк...

– Вот, смотри...

Вот, смотрю. Из вежливости. Проклятая вежливость, сколько раз ты мне мешала...

Статус: жизнь – это прелюдия к смерти.

Когда-нибудь я убью отца, он мне за все ответит, за все, за все, за учебу проклятую, за это его бесконечное ты должен, ты-должен-тыдолжен, все дети, как дети, а ты идиотище, семью позоришь...

– Понимаешь? – Людка подмигивает мне.

– Это он их... обоих. Сначала отца, а потом на выстрелы Иваничко прибежал...

– Думаешь, докажем?

– Ой, ты осторожнее... Заморский знаешь, зверь какой, ему слова поперек не скажи, вообще бесится...

– Пусть бесится... – смотрю на экран, все еще не верю себе до конца, – докажем...

Гейм старт

Гейм старт.

Выхожу в мир – чужой, непривычный, где-то враждебный, только я точно не знаю, где.

Что-то врзается в меня откуда-то ниоткуда, мир летит кувырком, больно прижимает, бьет, режет, давит...

Раньше я не знал, что такое больно.

Гейм овер.

Все еще не могу прийти в себя от пережитого кошмара. Осторожно ввожу новую запись, спрашиваю себя – а правильно ли делаю, а нужна ли эта запись вообще...

СОВЕТ 1 Когда выходите в мир, остановитесь: мимо пронесется чудовище.

Жду.

Чего я, собственно, жду. Кто вообще сказал, что в эту игру играет кто-то кроме меня...

Игра...

Ну да, какая-то игра, начатая кем-то когда-то, уже незнамо кем и когда. Да что значит, незнамо кем, мной начатая, кем же еще. Смотрю в правила, правил нет, смотрю в подсказки, подсказок нет. Гейм старт – и все.

А, нет, вот. Совет номер один...

Когда выходите в мир...

Гейм старт.

Выхожу в мир – чужой, непривычный, где-то враждебный, только я точно не знаю, где.

Спохватываюсь, вспоминаю – отступаю назад, ревящее чудовище пронесется мимо, обдаст меня потоком грязи.

Делаю шаг вперед. Мимо пронесется еще одно такое же чудовище, только другой расцветки.

Их много. Десятки. Сотни. Приноравливаюсь, стараюсь пробежать через поток чудовищ, огромная тварь оглушительно кричит, сбивает меня с ног.

Гейм овер.

СОВЕТ 2 Не пытайтесь пересечь стадо ревящих чудовищ.

Думаю, играть ли мне дальше. Нет, с меня уже хватит, только с ума сойти не хватало...

Больно.

Раньше я не знал, что умирать больно.

Игра...

Перебирал свои старые сны и потерянные желания, ненадолго набрел на игру.

Игра.

Кто-то когда-то пытался играть в неё, то ли я сам, то ли кто-то еще. Кто-то даже оставил подсказки, когда выходите в мир...

Ищу инструкцию, перебираю обломки вселенных и тени от прожитых веков.

Не нахожу.

Не люблю такие игры, от которых инструкция где-то затерялась. Все-таки осторожно включаю...

Гейм старт.

Гейм старт.

Выхожу в мир – чужой, непривычный, где-то враждебный, только я точно не знаю, где.

Спохватываюсь, вспоминаю – отступаю назад, ревущее чудовище пронесется мимо, обдаст меня потоком грязи.

Делаю шаг вперед. Мимо пронесется еще одно такое же чудовище, только другой расцветки.

Их много. Десятки. Сотни. Ревущее стадо.

Я уже знаю, что нужно делать, я жгу их пламенем, одно, другое, третье, ага, разбежались, струхнули. Иду вперед, кажется, я первый, кому удалось пройти на следующий уровень. Кто-то хватается за меня, тащит куда-то, пытаюсь сопротивляться – мир меркнет...

– Имя, фамилия?

– Это что?

– Придуриваемся, значит? Машины зачем жгли?

– Это что?

– Ты мне еще дурака валять будешь?

Дубинка рушится мне на голову.

Мир умирает.

СОВЕТ 3 Машины не жечь!

Игра.

Давненько не брался за эту игру, уже и забыл, что это такое. Читаю подсказки, машины, машины, что такое машины...

Ищу инструкцию.

Не нахожу.

Это новенькое что-то, чтобы к игре не было инструкции.

Ладно, неважно.

Гейм старт.

Выхожу в мир – чужой, непривычный, где-то враждебный, только я точно не знаю, где.

Спохватываюсь, вспоминаю – отступаю назад, ревящее чудовище пронесется мимо, обдаст меня потоком грязи.

Делаю шаг вперед. Мимо пронесется еще одно такое же чудовище, только другой расцветки.

Их много. Десятки. Сотни...

...выхожу из игры.

Чиркаю в пометках:

СОВЕТ 4 Пресекать дорогу только когда на столбе загорится зеленый огонь.

Игра.

Сегодня наткнулся на эту игру, когда разбирал завалы давностью в миллиарды лет. Перечитал советы, долго думал, что за зеленый огонь, от звезды, что ли, или от газового облака...

Ладно, надо посмотреть инструкцию.

Смотрю инструкцию – инструкции нет. Первый раз вижу игру, к которой нет пометки – КАК ИГРАТЬ.

На всякий случай выбрасываю в чат сообщение – ау, народ, кто играл в такую игрушку с ревушим стадом и зелеными огнями, кто знает, как там чего?

Жду.

Нет ответа.

Кто сказал, что кто-то играет кроме меня.

Кто сказал, что вообще есть кто-то в мире кроме меня...

Осторожно нажимаю ге...

Гейм старт.

Выхожу в мир – чужой, непривычный, где-то враждебный, только я точно не знаю, где.

Спохватываюсь, вспоминаю – отступаю назад, ревушее

чудовище пронесется мимо, обдает меня потоком грязи.

Делаю шаг вперед. Мимо пронесется еще одно такое же чудовище, только другой расцветки.

Их много. Десятки. Сотни.

Я ищу зеленый огонь, огня нет, ни зеленого, ни какого.

Высокие твари проходят мимо, шарахаюсь от чудищ, не сразу понимаю, что я – точно такая же тварь. Не понимаю, почему они идут, ведь нет никакого зеленого огня.

Наконец, понимаю. Зеленоватое мерцание по ту сторону полотна. Иду, мерцание гаснет, это что-то плохое, когда оно гаснет... Рев чудовища...

Гейм овер.

Снова жму на гейм старт.

Выхожу в мир...

...пересекаю серое полотно, спрашиваю себя, что делать дальше. Хоть бы какая подсказка, хоть бы какая загвоздочка, хоть бы...

Нет.

Ничего.

Иду к приоткрытой двери, просачиваюсь внутрь, оглядываю сидящих...

– Вы на собеседование?

– А... да.

Захожу в игру.

Привычным жестом захожу в игру, это уже стало навязчивой идеей. Вместо того, чтобы заниматься делами – с самого пробуждения включаю игру...

– Па-а, а поедем?

Димулька сдергивает с меня одеяло, вот ты черт, и не объяснишь, что папа спать хочет...

– Поедем, поедем... щас...

– Па-а-а-а!

– Тихо ты, маму разбудишь... разве так маму будить надо? Надо завтрак приготовить, кофе заварить, там и мама проснется...

– И поедем?

– Поедем, поедем.

– А ранец с Бетменом купим?

– Купим, купим...

Кое-как выволакиваю себя из постели, черт, получается же как-то у людей все успевать, я, по ходу, не человек...

Небо гудит.

Оно еще вчера гудело, бомбили где-то там кого-то там... только сегодня что-то низко гудит.

– Па-аа!

– Да тише ты, ма...

Рушится дом, рушится мир, рушится все, разлетается

на осколки...

Гейм овер.

Забрасываю игру куда подальше, напоследок пишу в чате:

СОВЕТ 45

Как бы еще сформулировать... выкладываю фото человека, призывавшего народ к войне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.